

Сергей Миллер

**Каменное
Сердце**

Сергей Миллер
Каменное Сердце

«Автор»

2026

Миллер С.

Каменное Сердце / С. Миллер — «Автор», 2026

2002 год. Оперативник Олег Чурсинов не верил в мистику — пока древний артефакт не пробудил в его крови то, что дремало поколениями. Теперь за ним охотятся. Тайный орден, тысячелетиями плетущий заговоры в тени истории, видит в нём ключ к поражению России. К уничтожению того, что веками хранило эту землю от гибели. Много веков назад кто-то спрятал Алатырь в самом сердце Руси и зашифровал путь к нему в расположении храмов древнего города. Много веков тайные силы ведут за него беспощадную войну — в тишине архивов, в подземельях монастырей, в тенях между мирами. Чтобы спасти любимую женщину, Олег должен разгадать загадку, которую не смогли разгадать до него. И узнать страшную правду о собственном роде — правду, которая изменит всё. Цена победы может оказаться слишком высокой. Цена поражения — невыносимой. *Мистический триллер о древних тайнах, запретной силе и любви, которая сильнее смерти.*

© Миллер С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Каменное Сердце

ГЛАВА 1

2002 год.

Молодой человек сидел, широко раскинув руки. Длинные пальцы с ухоженными ногтями безвольно покоились на спинке низкой скамьи посреди церковного двора. Короткие светлые волосы шевелил холодный осенний ветер. Блаженная, почти неземная улыбка застыла на его худощавом, тронутом заггаром лице с тонкими, хищными чертами. Пронзительные изумрудные глаза были устремлены в беспокойные верхушки молодых сосен.

Короткое черное пальто распахнулось, открывая рельефную грудь, обтянутую свитером. Но даже белоснежный шерстяной свитер толстой вязки, способный спасти от любого мороза, больше не мог согреть своего владельца. Огромное темное пятно расплзлось в районе сердца, а из самого его центра торчал грубо заточенный осиновый кол...

– Бред какой-то, – оперативник повертел в руках красные корочки. – Убивать таким макарон... – он скользнул взглядом по ровным буквам в удостоверении, – ...Незваного Андрея Сергеевича, капитана милиции?

– А вон за что, – его напарник, стоявший рядом, кивнул в сторону забора. Там, за церковной оградой, сверкая черным металликом, будто гость из будущего, стоял новенький «Кадиллак СТС». – На братков, видать, пахал. Вот и пришел расчет.

– Да кому из них нужен капитан милиции? Я бы понял – ФСБшник или кто повыше.

– А ты не думал, что капитанами, которые вовремя становятся генералами, интересуются заранее? Сейчас все мыслят на перспективу.

– Да ты что?! – первый опер скривил губы в усмешке. – А я-то думал, они сразу с большими звездами на погонах рождаются.

– Очень смешно. Шутка с бородой. Хотя все это и впрямь смахивает на съемки дурного фильма про вампиров.

Приготовив блокноты и ручки, они направились опрашивать служителей небольшой, недавно отстроенной деревенской церкви.

– Слушай, Семён, – милиционер тронул коллегу за плечо.

– Чего?

– Вампиры ж вроде как церкви не жалуют.

– Да мне и самому тут не по себе.

Тот, кого называли Семёном, в последний раз обернулся к скамье, где над трупом суетились судмедэксперт со следователем, и нервно взмахнул в воздухе служебным блокнотом.

– Обратни, мать их...

– У тебя на территории мента завалили! Через два дня заслушивание в Главке, а у тебя что сделано? Что?! – Грузный подполковник с усами, торчащими во все стороны, тяжело рухнул в кожаное кресло.

– Так три дня прошло, товарищ подполковник. Работа ведется... – Олег Чурсинов, плечистый и крепкий оперативник, не отводил уставшего взгляда от окна в кабинете начальника.

Пять лет в этом тихом, на первый взгляд, сельском отделе научили его видеть гниль за обманчивым спокойствием пейзажа. В двадцать три он пришел сюда, полный дурацкого идеализма: бороться, помогать, искоренять. И поначалу получалось. Его уважали свои и чужие: коллеги – за хватку и человечность, урки – за звериное чутье и крутой нрав. А обычные люди... обычные люди всегда чем-то недовольны. Но прошел год, и он понял, что оперативная работа – это не погони и захваты, а горы никому не нужных бумаг. К исходу пятого года эти горы

похоронили под собой всякое желание служить. Проблемы с жильем, вечно пустой кошелек, ночевки на работе и, как итог, развод с любимой женщиной через два года брака – стандартный набор неудачника, который всё чаще подталкивал к единственному решению: послать всё к черту и начать с чистого листа.

Губы Олега дрогнули в кривой усмешке.

– Это вообще-то дело убойного отдела. Пусть они и занимаются, и заслушиваются.

– Ты... ты что... совсем охренел?! – голос начальника сорвался на визг. – Это твоя земля! Да ты..! Да мне... мне уже двадцать раз из УВД звонили! Генерал лично звонил! – он потряс в воздухе трубкой старого дискового телефона и с грохотом швырнул ее на аппарат. – Ты о чем говоришь?!

– Понял я все, понял, – безразлично согласился Олег.

– Что ты понял?! – уже тише, с угрозой спросил начальник. – Справки написал? Бумажки все подбил?

– Все подбил. Разрешите идти? Работы много.

– Удивляешь ты меня, Чурсинов, просто удивляешь!.. Ты запросы в телефонную компанию направил?

– Господи, какие телефоны? – взгляд Олега медленно переполз на лицо начальника и замер. Физиономия подполковника расплывалась в довольной, победившей ухмылке.

– Ну ты меня удивляешь! – повторил он, скрещивая руки на необъятной груди. – Просто удивляешь.

– Все, Николай Кимович, я пошел... – И, не дожидаясь разрешения, резко повернулся и вышел за дверь кабинета.

– Чурсинов, вернись! – послышался гневный окрик из-за двери. – Вернись немедленно!

Оперативник мягко, но плотно закрыл вторую дверь и двинулся по коридору к своему кабинету.

Навстречу, на ходу пытаюсь попасть в неуловимый рукав кожаной куртки, бежал его сослуживец.

– Что, Олег! Все достают? – Он изловчился и, похлопав его по плечу, побежал дальше.

Когда молодой Олег Чурсинов, едва разменяв третий десяток, переступил порог сельского отдела, он был воплощением надежды. В его голове жили образы из книг и фильмов: он – защитник слабых, гроза преступного мира, человек, который несет справедливость. И поначалу ему казалось, что так оно и есть. Его бешеная энергия, острый ум и врожденная интуиция позволяли раскрывать преступления по горячим следам в невероятно короткий срок. Он не боялся в одиночку идти на задержание, умел разговорить камень и видел ложь за версту.

Но очень скоро он столкнулся с тремя врагами, которые оказались страшнее любого бандита: бумагой, бытом и безысходностью.

Бумажный монстр был самым прожорливым. Бесконечная «секретка», никому не нужные в деревне, оперпланы и отписки, высосанные из пальца для галочки в отчете. Олег мог за одну ночь вычислить и поймать вора, обчистившего полдеревни, но за этой ночью следовали две недели ада. Протоколы, рапорты, справки, запросы, объяснительные... Любая оперативная победа тонула в бюрократическом болоте, и 90% времени уходило не на борьбу с преступностью, а на доказывание того, что ты ее ведешь. Система медленно убивала в нем сыщика и рождала канцеляриста.

В городе преступник – абстракция. В селе – это Петька, сын тети Маши, с которым ты пацаном гонял мяч. Сегодня ты сажаешь его за кражу, а завтра ловишь на себе в магазине полный ненависти или мольбы взгляд его матери. Или, что хуже, узнаешь, что местный «авторитет» – троюродный брат начальника соседнего отдела, и приходится лавировать, закрывая глаза на мелочи, чтобы ударить по-крупному. Эти моральные компромиссы разъедали изнутри,

превращая мир из черно-белого в мутно-серый. Дело дошло до того, что он пересажал половину своего класса.

Он ловил одного и того же алкоголика за кражи из погребов. Закон был суров: по второй части сто пятьдесят восьмой можно было загреметь на «зону» за две банки огурцов, со второго раза. Но тот возвращался через полгода и принимался за старое. Олег видел, как спиваются от безделья молодые парни, как нищета толкает отчаявшихся на глупые преступления. Он не искоренял зло – он подметал мусор, который система тут же генерировала заново. Чувство бессилия росло с каждым годом.

Его жена, Елена, полюбила того самого идеалиста с горящими глазами. Первые пару лет она была его надежным тылом. Но тыл начал рушиться под натиском бесконечных «Вихрей-Антитерроров» без выходных и отпусков. Его попросту не было дома. Никогда. «Сейчас вернусь» означало – под утро. Праздники, дни рождения, простые семейные ужины отменялись одним резким звонком. Лена привыкла засыпать одна. Их дом перестал быть крепостью и превратился в зал ожидания.

Когда Олег все же появлялся, его мысли оставались там, на работе. Он мог часами молча смотреть в одну точку, прокручивая детали дела. Он приносил с собой мрак, который видел каждый день: кровь, слезы, человеческую подлость. Желая уберечь ее, он возвел стену молчания, но эта стена отгородила и его самого. Он стал замкнутым, циничным, резким. Светлый парень, за которого она выходила замуж, умирал, а на его месте появлялся озлобленный, уставший незнакомец.

Толчком послужило дело о жестоком убийстве. Девочка-подросток ушла с людного пляжа на озере и не дошла до дома каких-то двести метров. Олег был одержим поиском. Он не спал почти неделю, жил на одном кофе, буквально по следу вышел на убийцу – восемнадцатилетнего дезертира – и взял его. Когда все закончилось, он, измотанный, но с острым чувством выполненного долга, вернулся домой. Он ждал понимания, поддержки. А увидел собранные чемоданы.

Их последний разговор был тихим и оттого еще более страшным. Лена сказала фразу, ставшую приговором: «Я больше не могу жить с призраком. Ты приходишь домой, но тебя здесь нет. Я выходила замуж за человека, а живу с твоей работой. Я так больше не могу, Олег. Я тебя не узнаю».

Она ушла не к другому. Она ушла «от него» – от той черной дыры, в которую его превратила служба. Для Олега это стало крушением всего. Он боролся за справедливость для других и в процессе потерял собственную жизнь. Он понял, что система, которой он отдал себя без остатка, забрала всё, не дав ничего взамен, кроме выслуги лет, хронической усталости и зияющей пустоты в груди.

Именно поэтому сейчас, глядя на абсурдное дело с осиновым колом, он чувствует не азарт, а лишь свинцовое безразличие. Это просто еще одна бессмысленная смерть, еще одна гора бумаг, которая отдаляет его от той точки, где можно будет послать всё к черту и попытаться собрать осколки своей жизни..

Дверь за начальством закрылась. Оставшись один, Чурсинов швырнул папку на обшарпанный стол и тяжело опустился на скрипучий деревянный стул. Секунду он сидел неподвижно, но беспокойство тут же сорвало его с места. Он пересек кабинет и одним резким движением распахнул тугую, массивную фрамугу. Морозный воздух с шумом ворвался внутрь. Образовавшийся вихрь с грохотом захлопнул входную дверь, а со столешницы, словно стая вспугнутых птиц, взметнулись и закружились в воздухе листы бумаги.

Высунувшись по пояс на улицу, Олег жадно глотал стылый воздух, щурясь на холодное, низкое солнце.

– Ну что ж, заманчиво и интересно, – проговорил он вслух, и сарказм капал с каждого слова. – Надо ехать. Еще раз, в тишине. Осмотреть место.

Он всегда так делал. Ему нужно было остаться с местом один на один, чтобы услышать то, что шептало ему его звериное чутье, понюхать, как говорится, сам воздух. Мало ли.

Он не удержался и широко, до слез, зевнул. Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, приходилось по ночам сторожить ферму в дальнем поселке. Работа неофициальная, но начальство закрывало глаза – иначе из органов давно бы разбежались все, кто еще мог стоять на ногах.

– Да-а-а-а... – протянул он и покосился через плечо на тощее, неподшитое поисковое дело, сиротливо лежавшее на столе. Всякое желание куда-то ехать тут же испарилось. С портрета на стене на него, казалось, сверлил осуждающим взглядом отец-основатель «мистического отдела» ОГПУ Глеб Бокий, не одобряя такого халатного отношения к службе.

Портрет Глеба Бокия на обшарпанной стене кабинета Чурсинова был не просто старой, выцветшей фотографией. Это был своего рода иконостас из одного святого, понятного лишь посвященным. Для большинства людей, даже в погонах, это было просто лицо из учебника истории – еще один функционер расстрельной эпохи. Но для Олега, этот человек с колючим, пронизывающим взглядом был чем-то неизмеримо большим. Он был символом. Он был главным алхимиком и мистиком Лубянки. Это был человек, который, по слухам, искал не просто вражеских шпионов, а ключи к тайнам мироздания. В возрасте Чурсинова он уже, снаряжал экспедиции на Кольский полуостров в поисках древней Гипербореи. Он пытался поставить на службу государству телепатию, ясновидение и психотронные технологии, искал мифическую Шамбалу и ее сверхзнания.

Именно поэтому его портрет висел здесь, в этом убогом сельском кабинете.

Бокий был антитезой той самой ненавистной «бумаге», что съедала жизнь Олега. Он олицетворял оперативную работу как высокое искусство, почти магию, где интуиция, неортодоксальное мышление и звериное чутье ценятся выше идеально заполненного протокола. Он был тем, кто искал истину, а не проставлял галочки в отчете. Глядя на него, Чурсинов вспоминал не о системе, а о призвании. В этом мире беспредела Бокий был его личным святым покровителем всех тех, кто «нюхает воздух» и видит человека насквозь.

Бокий был мрачным пророчеством и знаком высшего профессионального цинизма. Его судьба была идеальной иллюстрацией главного закона системы: она неблагоприятна. Она использует тебя до последней капли, а потом выбрасывает, как отработанный материал. Бокий, один из архитекторов этой машины, был ею же и перемолот – расстрелян в 37-м как «враг народа». Для Чурсинова, который сгорал на работе, лицо Бокия было немым подтверждением: «Не жди благодарности. Не жди справедливости для себя. Эта машина безлика. Она заберет всё». Это была горькая ирония, понятная лишь тем, кто заглянул в бездну по долгу службы.

И наконец, портрет Бокия был знаком принадлежности к негласному ордену. В каждом ведомстве есть свои герои для парадных портретов, а есть – для внутреннего пользования. Дзержинский – для фасада, для красного уголка. Бокий – для тех, кто в теме. Это был пароль, отличавший «своих» – тех, кто понимал, что настоящая работа делается не в кабинетах начальства, а на земле, часто на грани и за гранью закона. Это был символ касты оперативников, наследников не устава, а древней традиции сыска, где цель оправдывает любые, даже самые мистические средства.

Так и висел Глеб Бокий в кабинете Олега Чурсинова – наполовину икона, наполовину приговор. Святой покровитель и призрак его собственного будущего. Он был вечным напоминанием о том, что путь настоящего сыщика – это путь в один конец.

Закрыв окно, Олег медленно обошел стол. Упершись руками в столешницу, он снова взгляделся в копию фототаблицы. Это была его земля, но он так и не осмотрел место по-настоящему. Выезжал, конечно, но в той толпе сосредоточиться было невозможно, а потом закрыла бумажная карусель...

Он уже десятки раз просматривал эти снимки, и каждый раз где-то в солнечном сплетении завязывался тугой, холодный узел. Чувство, которому он не мог дать имени. Почему такое

странное оружие? Почему в «таком» месте? Пару лет назад он бы уже все облазил, обнюхал и на зуб попробовал...

– Главное – «на́чить»! – внезапно в нем что-то щелкнуло. Голос прозвучал с неожиданной решимостью, передразнивая манеру речи великого «перестройщика».

Он сдернул с дверцы шкафа, служившей вешалкой, старую, но все еще крепкую кожаную куртку и выскочил из кабинета. Плотная не прикрытая фрамуга снова распахнулась, и наглый сквозняк еще раз прошелся по столу, сдувая последние бумаги на пол.

Чурсинов быстро миновал коридор, сбежал по лестнице и на секунду замер у стенда «Их разыскивает милиция». Вчера по телевизору сообщили о ликвидации очередного «борца за освобождение чеченского народа». Олег достал ручку и вдумчиво, почти каллиграфически, подрисовал траурную ленточку на портрете полевого командира, а по-русски – просто бандита. Редуют ряды. Он окинул взглядом бородатые рожи. Большинство уже были «награждены» такими ленточками, и это не могло не радовать.

Этим мрачным удовлетворенным жестом он словно поставил точку. Олег развернулся и, не оглядываясь, зашагал по гулким коридорам. Резкий удар его ботинка о железную обивку входной двери, и вот он уже на улице, во дворе отделения. Морозный воздух после душных помещений ударил в лицо, заставив на миг зажмуриться.

Прямо перед ним, ввалившись на правый бок и подслеповато глядя на мир круглыми глазами-фарами, стоял его верный «Боливар». Ржавчина на бортах УАЗа проступала сквозь облупившуюся краску, словно старые, плохо зажившие шрамы. Для кого-то – четырнадцатилетняя рухлядь, по милицеским меркам – давно списанный ветеран. Для Олега – боевой товарищ. Он подошел и по-свойски, по-дружески хлопнул ладонью по холодному капоту.

Ключ в зажигании. Секундная пауза, и салон наполнился знакомым, утробным рыком. Двигатель запустился с первого раза, надежно и честно. По губам Чурсинова скользнула редкая кривоватая усмешка. Короткий скрежет коробки передач – вечная жалоба старика, – и УАЗ, качнувшись, медленно тронулся в путь.

Пусть на трассе его обгоняли даже потрепанные «Жигули», Чурсинов этого не замечал. Его стихией было бездорожье, там, где лощеные импортные джипы беспомощно вязли в грязи, «Боливар» упрямо пер вперед, как старый солдат, не знающий слова «невозможно». За одно это его стоило уважать. Олег же его просто любил.

До новой церкви было рукой подать, от силы пять километров. Через четверть часа «Боливар», недовольно фыркнув, замер у высоких бревенчатых ворот. Заглушив мотор, Олег вывалился из кабины и полной грудью втянул чистый, смолистый воздух.

Слева на воротах – аккуратное, распечатанное на принтере расписание служб. Справа, приколотый канцелярской кнопкой такой же лист, отпечатанный казенным шрифтом «Просто толкни и входи». Совет казался до абсурда простым. Олег протянул руку и толкнул. Массивная створка без малейшего скрипа поддалась, открываясь внутрь на идеально смазанных петлях.

Он шагнул на территорию церкви. Тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра в молодых соснах. И ни души. Скамья, место трагедии, стояла там же. У Олега мелькнула мысль, что ее должны были выкорчевать, сжечь, стереть с лица земли как проклятую метку. Но нет. Она была на месте, только отскобленная до болезненной, стерильной белизны дерева. Пожухлая трава вокруг была тщательно прочесана граблями, оставившими на земле аккуратные параллельные борозды. После такой зачистки найти здесь хоть что-то было так же реально, как отыскать иголку в выжженном стоге сена.

Олег с разочарованием тяжело опустил на холодные доски и раскинул руки по спинке. Ветер гулял в кронах, выдувая из головы обрывки мыслей и служебную муть.

«Здесь и правда покой...» – пронеслось в голове, сбрасывая оцепенение. Он тут же усмехнулся своим мыслям. Главное, чтобы покой не оказался вечным, как у Незваного. Олег

невольно напрягся, его взгляд сквозь прищур стал жестким и цепким, сканируя пустое пространство.

Но его чутье молчало. Внутренний камертон, который он всегда пытался настроить на месте преступления, не издавал ни звука. Место было немым. Он встал, еще раз обошел все вокруг, заглядывая под кусты, вглядываясь в следы на земле – пусто. Абсолютно пусто.

Разочарованно выдохнув, Олег развернулся и медленно побрел к воротам. И в этот момент его пронзило. Это было не предчувствие, не мысль. Это был ледяной укол в затылок, животный, первобытный ужас от чужого взгляда. Невидимый взгляд, который пригвоздил его к месту и заставил медленно, очень медленно обернуться.

– Бррр... – Кожа под воротником куртки пошла ледяными мурашками. Олег медленно, словно боясь спугнуть невидимого наблюдателя, повел головой, вжимая ее в плечи. Пусто. За спиной не было никого, лишь тихо шелестели сосны. Но ощущение взгляда – тяжелого, буравящего затылок – никуда не делось. Он начал поворачиваться обратно, и в этот миг его чутье, этот внутренний компас на беду, резко дрогнуло и замерло. Привычный звон в голове, и в следующее мгновение ощущение рассеялось, будто его и не было. Олег узнал этот сигнал. Так было всегда, когда поблизости, в зоне досягаемости, находилось нечто – вещь, след, отголосок, – связанное с преступлением. Не думая, он подчинился этому немому приказу и побрел вдоль хлипкого забора из сетки-рабицы. Ноги сами несли его вперед. Он двигался, словно ведомый на невидимом поводке, спотыкаясь о выпирающие корни деревьев, не замечая ничего вокруг, его сознание отключилось, уступив место чистому инстинкту сыщика.

Оцепенение спало так же внезапно, как и нахлынуло. Олег мотнул отяжелевшей головой, возвращаясь в реальность. Он стоял у забора, за которым начинался лес. Земля под ногами, все еще зеленая, упрямая трава, не желавшая сдаваться осени...

– Стоп, – прошипел он сам себе. – Не суетись.

Он заставил себя остановиться и медленно, методично начал сканировать взглядом пятючок земли, куда его привело чутье. Раз. Другой. Третий. Ничего. Абсолютно ничего. С глухим раздражением Олег опустил на колени и запустил пальцы в холодную, сырую траву, прочесывая ее, словно пытаясь наощупь найти то, что отказались видеть глаза. Пять минут он ползал так, как заблудившийся в лесу зверь, ищущий свою нору. Он представил, как нелепо это выглядит со стороны, и кривая усмешка тронула его губы. Оглядевшись – вокруг по-прежнему ни души, – он с хрустом поднялся на ноги.

– Что ж, нулевой результат – тоже результат, – философски заключил он, скорее для проформы, чем всерьез, и развернулся, чтобы уйти.

Прямо перед ним, словно вытканная из самого воздуха и тишины, стояла старушка. Белоснежный платок, озарявший мягкие, изрезанные морщинами черты лица. Легкая, почти неземная улыбка и совершенно смиренный, потухший взгляд. От полной неожиданности Олег дернулся назад, едва не потеряв равновесие.

– Здравствуйте, – выдал он после затянувшейся паузы, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– И тебе здравствовать, мил-человек, – ответила она тихим, напевным голосом, от которого ему стало еще более не по себе.

– Я, вообще-то, из милиции, – пробормотал он, ощущая себя грубым, чужеродным предметом рядом с этим воплощением святости и покоя.

– А я, мил-человек, ничего не видела. И говорить мне нечего, – неожиданно, но без тени враждебности заявила старушка.

– То есть как? – Олег окончательно растерялся. – Я ведь даже не спросил еще ничего!

– В трапезной я была в то время, помогала, – все с той же невинной простотой произнесла она, будто заранее отвечая на подготовленный, но так и не заданный вопрос.

– А... понятно. Но все же, позвольте один вопрос. Что вы, как люди верующие, думаете о таком? Убийство на святой земле... Для вас это просто преступление или нечто большее? Какое-нибудь... осквернение?

Старушка медленно повернулась к куполам церкви, подняла к небу выцветшие глаза и размашисто, истово перекрестилась трижды, сопроводив это глубоким поясным поклоном.

– Упаси и сохрани нас Господь!

– Значит, это оскверняет место?

– Силы зла, милок, они повсюду проникают, но святости места порушить не могут. Бесильны они перед Господом, как тьма перед солнцем.

– И никаких особых обрядов вы проводить не будете?

– Нет. Когда подойдет время, обойдем крестным ходом, как положено, и всё. Тебе бы с бабушкой нашим поговорить, он подробней растолкует. – Она на миг замолчала, и ее взгляд стал далеким и жестким. – Бывали у нас времена, когда священников от самого алтаря брали и здесь же, во дворе, к стенке ставили. Так что земля эта ко многому привыкла.

Она словно заглянула в прошлое, и голос ее стал суше, почти бесстрастно перечисляя факты, ставшие для нее частью священной истории.

– Да и в Оптиной пустыни, помнится, в девяносто четвертом. На саму Пасху. Убили трех иноков. Сначала двоих, что звонили к праздничной службе. А когда третий, иеромонах, пошел глянуть, почему колокола замолчали... заклали и его. – Она снова, медленно и весомо, осенила себя крестным знаменем, глядя поверх Олега на купола. – Мученический венец приняли. Бог их принял в свои обители, а убийцу ждет геенна огненная. В том и есть наша Вера. И другой не будет.

Олег почувствовал, что разговор зашел в полный и абсолютный тупик. Он, со своим чутьем, логикой и уставом, оказался на чужой территории, где действовали иные законы – незыблемые, как сама вечность. Спорить с этим было все равно что пытаться арестовать ветер.

– Спасибо вам. За всё. До свидания, – он вежливо кивнул и развернулся к воротам, чувствуя себя обезоруженным.

– С Богом, милок, – тихо донеслось ему в спину. Он почти физически ощутил, как она перекрестила его удаляющуюся фигуру. И этот жест, невидимый и невесомый, почему-то заставил его замедлить шаг.

– Ты здешний? – неожиданно прозвучал ее голос, уже совсем другой – обычный, человеческий.

Он обернулся, удивленный этой резкой сменой тона.

– Да.

– Заходи почаще. Просто так. Душе легче будет.

– Обязательно, – почти машинально ответил он.

И тут выражение смиренной святости слетело с ее лица, сменившись знакомым, властным взглядом любой деревенской бабушки, которая сейчас будет отчитывать непутевого внука.

– И руки-то из карманов вынь! Не по-людски это, на святом месте!

Олега прорвало. Это было так неожиданно, так просто и по-человечески, что вся тяжесть последних часов, всё мистическое оцепенение и профессиональное напряжение вдруг слетели с плеч. Он засмеялся – искренне, громко, как не смеялся уже очень давно.

– Всё! Понял! – Он выдернул руки из карманов своей потертой куртки и в шутовском жесте раскинул их в стороны, словно сдаваясь.

Потом, все еще улыбаясь до ушей, он направился к выходу, но уже совсем другой походкой – легче, свободнее. Он проиграл этот раунд, но, как ни странно, был этому только рад.

Взгляд из-за занавески

Агафья видела, как подъехал этот серый уазик с синими номерами— старый, рычащий, как раненый медведь. Она знала такие машины; на них ездят не начальники, а те, кто работает «на земле». Те, кто ищет. Она отложила горсть сухих трав, которые перебирала для церковных сборов, и прижалась к пыльному стеклу окошка в хозяйственной пристройке.

Человек, вышедший из машины, ей сразу не понравился. Не потому, что злой или грубый – нет. В нем была какая-то хищная усталость, опасная сосредоточенность. Он не просто осматривал двор, он его «вдыхал». Агафья видела, как он прошелся, как потрогал выскобленную добела скамью. Видела, с какой тоской и злостью он огляделся, поняв, что все следы уничтожены.

А потом началось странное. Он пошел вдоль забора, но не как обычный человек. Его вело. Агафья, прожившая семьдесят лет между молитвой и предчувствием, сразу это поняла. Его вело не зрение, а то, что они здесь называли «памятью места». Скверна, оставшаяся на земле, тянула его к себе. Когда он опустился на колени и стал шарить руками в траве, у Агафьи зашло сердце.

Она видела, «что» он ищет. И знала, что он почти нашел.

На самом деле, когда они с отцом Виктором и трудником Семеном убрали территорию после того, как милиция сняла оцепление, они нашли нечто. Не улику в мирском понимании – не нож, не гильзу. Это был маленький, сшитый из черной кожи мешочек, из которого торчала сухая куриная лапка. Отец Виктор, увидев это, побледнел и велел Семену не трогать находку руками, а взять ее лопатой и немедленно бросить в печь в котельной.

Именно туда, к той части забора, за которой находилась котельная, и вело этого милиционера. Его чутье было звериным, почти нечеловеческим. Он не нашел мешочек, потому что его давно пожрал огонь. Но он почувствовал остаточный след, эхо обряда, который здесь провели.

Поэтому Агафья вышла. Она не могла позволить ему копать дальше. Это их земля, их беда и их грех. Мирские власти здесь ни к чему. Они принесут только грязь, допросы, осквернят имя батюшки и напугают прихожан. Они будут искать убийцу, а здесь искали нечто большее – причину, по которой зло смогло пустить корни на святой земле.

Она накинула на голову свой самый чистый, самый «богомольный» платок, сотворила на лице выражение смирения и вышла к нему, бесшумно, как тень.

Ее ответы были стеной, выстроенной из полуправды и веры.

«Милая старушка», – с кривоватой усмешкой признался себе Олег, подходя к своему «Боливару». Он уже взялся за холодную ручку двери, но остановился. Что-то не давало покоя. Эта женщина, со своей верой, похожей на гранитную скалу, выставила его, опера, за порог собственного расследования. Унизительно, но по-своему поучительно. И все же... что-то осталось недосказанным, недочувствованным. То самое чутье, что привело его к забору, теперь тихо зудело под кожей, требуя реванша.

Он бросил уазик и пошел обратно, но уже с другой целью. Обогнуть территорию церкви и подойти к тому самому месту с внешней стороны.

Когда до цели оставалось пара шагов, что-то в траве у самой земли хищно блеснуло, поймав тусклый солнечный луч. Олег замер. Наклонился, протянул руку сквозь ячейку сетки-рабицы. Сердце стукнуло чаще, разгоняя по венам азарт охотника.

– Попался, – выдохнул он беззвучно.

Аккуратно, двумя пальцами, словно ядовитое насекомое, он выудил из спутанной травы цепочку из желтого металла. Разорванную. На конце ее, зацепившись за крошечный замок, покачивался перевернутый крест. Кошунственный символ, брошенный впопыхах.

Олег распрямился, держа находку на ладони. Холодный металл, казалось, обжигал кожу.

«Оно или не оно?» – стучало в висках. – «Может, просто шпана какая-то обронила?» Но логика тут же возражала: что заставило бы кого-то ползать в бурьяне у церковного забора, рискуя потерять столь заметную вещь? Вариант был один: убийца, покинув территорию церкви, сорвал украшение с шеи Незваного и выбросил его здесь, за оградой. Если так, то мотив – не просто ограбление. Это ритуал. Заявление.

Но даже не кощунственная инверсия смущала его больше всего. Было что-то еще. Что-то в самом кресте было до противного неправильным. С виду – золото. Массивное, с шестью камнями разного размера, утопленными в металл. Олег поднес его ближе к глазам. Даже в скурых лучах осеннего солнца они бросали холодные, острые блики. Бриллианты? Вполне возможно. Но ни на кресте, ни на звеньях цепочки не было пробы. Сами звенья тоже были странными: не овальные, а квадратные, и внутри каждого от углов к центру сходились четыре крошечных шипа. Цепочка, созданная для того, чтобы впиваться в кожу.

Да кто их разберет, этих сатанистов. Возможно, эта кричащая роскошь и принадлежала убитому. Но уверенности не было.

Всю дорогу до своего временного логова – обезличенной съемной квартиры – он молча рулил, а ладонь, державшая находку, казалось, онемела от холода. Оставив «Боливар» у подъезда, он пробрался по заплёванной, тускло освещенной лестнице на второй этаж. Два оборота ключа, щелчок замка.

Скинув в прихожей ботинки и тяжелую куртку, Олег прошел на кухню. Насыпал в старую финскую кофеварку щедрую порцию кофе и щелкнул переключателем. Через пару секунд она зафырчала, будто единственное живое существо в этой квартире, по капле выдавливая в стеклянную колбу густую коричневую жидкость.

Он прошел в единственную комнату и без сил рухнул на продавленный диван. Это была его крепость. А напротив – его алтарь: огромный телевизор с системой домашнего кинотеатра. Он выложил зловещую находку на стеклянный журнальный столик, где она тут же стала выглядеть чужеродным, грязным пятном. Взяв пульт, он нажал на кнопку. CD/DVD-приставка с задумчивым жужжанием проснулась и начала перебирать диски в своем чреве. Олег старался не думать, сколько ночных дежурств и «левых» подработок ушло на покупку всего этого. Но оно того стоило. Это был его способ сбежать.

Приставка с задумчивым жужжанием выбрала диск, и тишину квартиры разорвало на части.

«На коленях перед алтарём

Я стою – грудь пылает огнём...»

Агрессивный, хриплый голос Юрия Хоя грохнул из пяти колонок, заставив Олега невольно дёрнуться. Злая ирония слепого выбора – из сотен треков система выбрала именно этот. Он потянулся к пульту и сделал звук тише, оставив его мрачным фоном.

– Надо же, как в тему, – пробормотал он, и в голосе не было удивления, только усталость от подобных совпадений.

Он снова наклонился над столиком, разглядывая свою находку. Это был уродливый артефакт. Крест как крест, но пропорции были нарочито искажены: длинная его часть, на которой располагались четыре камня, была едва заметно, но злонамеренно изогнута. Концы поперечной перекладины, увенчанные крошечными камушками, тоже были неестественно загнуты вверх, словно тянулись к чему-то.

И тут динамики снова ударили по нервам:

«...Ты была королевой ночи,

Но они наточили мечи...»

Ледяная иголка пробежала вдоль позвоночника.

След от удара? Отчаянной борьбы? Или таков был изначальный замысел ювелира-извращенца? Без специалиста по таким дьявольским поделкам было не разобраться. Олег взял

цепочку и, вооружившись лупой из ящика стола, принялся методично изучать звено за звеном. И нашел. Между замысловатыми шипастыми квадратами, в пазах металла, застыли крошечные бурые точки. Вещество, очень похожее на кровь. Но – не факт. В его работе нельзя было верить ничему, пока это не подтвердит лаборатория.

Внезапный клокочущий звук, похожий на предсмертный хрип, вырвал его из вязкой сосредоточенности. Кофеварка. Олег осторожно отложил лупу и находку на стол и прошел на кухню. Воздух был пропитан густым, спасительным ароматом «Амбассадора». Он налил себе полную, большую кружку дымящегося черного напитка.

Вернулся в комнату, уже на ходу отхлёбывая из синей керамической кружки. На ней белыми буквами было выведено: «Красноярский Краевой фонд помощи детям-инвалидам». Эту кружку подарил ему дядя, человек, заменивший ему отца и воспитавший его. Сейчас он, бывший полковник милиции, возглавлял этот самый фонд за тысячи километров отсюда. И эта кружка здесь, в сырой, чужой квартире, была единственным осязаемым якорем, который держал его на плаву в этом море грязи.

Олег снова плюхнулся на диван, глядя то на кощунственный крест на столе, то на надпись на кружке. Два полюса его мира.

Это было оно. Знакомое, почти забытое чувство, от которого перехватывало дыхание. Азарт гончей, вставшей на горячий след. Тот самый огонь, который заставляет сыскаря не спать ночами, по крупицам сплетая из тончайших ниточек догадок и улик тугую веревку, что арканом ляжет на шею зверя.

Хотя, возможно, это еще и не след вовсе. Лишь предположение, требующее проверки. Но огонь внутри уже разгорелся, и потушить его было невозможно. Все просто: определить группу крови на цепочке и сравнить с кровью потерпевшего. Но как? Рассказать о находке? И тогда цепочка с этим кощунственным крестом окажется в папке с вещдоками, увянет в бумагах областной прокуратуры, куда уже забрали дело. Нет. Слишком долго, слишком много чужих рук. Это не входило в планы Чурсинова.

Он вытащил из ящика с инструментами старые кусачки. С сухим, металлическим щелчком он безжалостно перекусил четыре звена там, где бурые пятна казались гуще всего. Аккуратно, словно драгоценность, опустил их в чистый бумажный конверт. Совесть не мучила. Он не укрывал улику, он лишь ускорял процесс. Он обязательно выдаст находку. Но позже. Когда будет держать в руках не просто догадку, а факт. К тому же он был уверен, что версия убийства на религиозной почве и так стоит у следствия на одном из первых мест.

Кофе давно остыл, превратившись в горькую жижу, но он допил его одним глотком, встал и взглянул на часы. Пятнадцать тридцать. Пора показаться на работе – благо отделение было через дорогу. Сунув конверт в нагрудный карман куртки, Олег запер хлипкую дверь и, перепрыгивая через две ступеньки, выбежал на улицу.

Он чуть не проскочил мимо своего «Боливара», напрочь забыв о нем. Забрался в кабину. Дверь не поддавалась, и только после шестого оглушительного хлопка она наконец встала на место. Внутри зашевелилось глухое раздражение на весь этот проклятый мир, состоящий из неисправных вещей. Проехав сотню метров, он зарулил во двор отделения, по старой привычке слил воду из радиатора – ночью обещали заморозки.

Поднявшись в нужный кабинет, он приоткрыл дверь. За столом маленькая темноволосая девушка вела неравный бой с допотопным компьютером. Символы на экране появлялись с такой мучительной задержкой, что казалось, будто они рождаются где-то в недрах земли. Не выдержав, маленькая и хрупкая девушка в форме старшего следователя тихо, но с таким виртуозным мастерством материлась, что Олег на мгновение застыл в восхищении, совершенно незамеченный.

– Привет, Ольга! – улыбка у Олега получилась обезоруживающей. Он знал, что сейчас прерывает священный ритуал борьбы человека и машины.

Она резко перестала колотить по клавишам и повернулась на скрипнувшем стуле. Боевой азарт в ее глазах сменился усталым, но внимательным интересом.

– О! Привет, Олег. Заходи, раз пришел.

– Ольга, выручай. Дело... особой важности. – Он подошел к столу и чуть понизил голос, превращая просьбу в заговор. Из нагрудного кармана он извлек конверт и приоткрыл его, показывая содержимое.

– Что это? – она подалась вперед, с любопытством заглядывая внутрь.

– Пара звеньев от цепочки. Нужно узнать одно: есть на них кровь или нет. И если есть – группу. Очень прошу, направь по какому-нибудь «глухарю», чтобы официально, но без лишнего шума.

Она молча кивнула. Ни одного лишнего вопроса. В их мире это было нормой – помогать друг другу обходить самые ржавые шестеренки системы.

– Хорошо. Но быстро не обещаю. Эксперты завалены.

– Да ладно, мне главное – результат, – с облегчением махнул он рукой.

– Оставляй, – она постучала коротким ногтем по краю стола.

– Спасибо, Оленька. Буду должен. – Олег в два шага пересек кабинет. За его спиной уже раздался сухой треск клавиш. Ольга снова пошла в атаку на свой компьютер.

Он не сомневался, что все будет сделано. Такие, как она, были стеновым хребтом всей этой конторы.

Оказавшись в своем кабинете, он первым делом собрал с пола бумаги и бросил неровной стопкой на стол – подобие порядка в этом узаконенном хаосе. Затем сел, снял трубку тяжелого телефонного аппарата и настучал номер.

– Морг, – ответил на том конце провода абсолютно безжизненный женский голос, в котором умерло все, включая интонации.

Олег на секунду замер, решая, шутка это или последняя стадия профессионального выгорания. Решил подыграть.

– Шутку понял! – бодро отозвался он. – Чурсинов, оперуполномоченный. А можно Вику к телефону?

В трубке наступила ледяная пауза.

– Не Вику, – отчеканил тот же голос, но теперь с ноткой стального укора, – а Викторию Валентиновну. Одну минуту, сейчас позову.

Олег усмехнулся в трубку. «Викторию Валентиновну». Конечно. Для всех остальных она была именно такой – неприступной глыбой, авторитетом в последней инстанции. Ее подпись под заключением была весомей приговора судьи, а ее слово – законом. В ее царстве формалина и нержавеющей стали, которое остальные брезгливо называли моргом, она была полноправной королевой. А мертвые – ее послушными подданными, которые рано или поздно рассказывали ей все свои секреты.

Годы работы в этом месте выковали из нее существо, которому чужды сантименты. Железная леди, чей черный, как патологоанатомический юмор, был понятен лишь единицам, и Олег был одним из них.

Их отношения уже давно вышли за рамки служебных. Это не было дружбой в привычном ее понимании и, упаси боже, не было романом. Хотя их связь однажды попыталась пойти по самому банальному, самому предсказуемому пути.

Это случилось после какого-то ведомственного праздника, в тумане казенного спирта и общей усталости. Тот самый секс, который Олег позже мог охарактеризовать лишь цитатой классика – «бессмысленный и беспощадный». Он, согретый коньяком и ложной смелостью, попытался растопить этот лед, пробиться сквозь броню ее цинизма. А в итоге сам едва не замерз насмерть.

Тогда он с холодным ужасом и странным, извращенным восхищением понял, что перед ним не совсем женщина. Перед ним был совершенный, безупречно отлаженный механизм из красивой полированной стали. Она не отталкивала, не сопротивлялась. Она просто впитывала его тепло, его пьяный порыв, его мужскую энергию, ничего не отдавая взамен и оставляя внутри звенящую пустоту.

И он отступил. Сам. Просто для того, чтобы не истлеть, не растратить себя без остатка в этом холоде. Поэтому теперь, иногда ловя себя на мимолетном взгляде, он чувствовал сложную, почти болезненную тоску – сожаление не о том, что у них не вышло, а о том, каким завораживающим и абсолютно недостижимым для него был этот человек.

Именно после той ночи, когда невидимые границы были обозначены так жестко и окончательно, их отношения и переросли в нечто большее, в нечто настоящее. Убрав из уравнения все плотское и лишнее, они оставили только чистый разум и безусловное профессиональное доверие. И эта связь оказалась прочнее стали.

Это было нечто большее – боевое товарищество. Он охотился на живых, она – заставляла говорить мертвых, и вместе они замыкали цепь. Он знал: его «Вика», брошенное в трубку, – это пароль, пропуск за кулисы бюрократии, сигнал о том, что дело не терпит отлагательств и глупой бумажной волокиты. Она была его самым надежным тылом, человеком, готовым согнуть, но не сломать правила ради результата.

Она была его компасом в этом безмолвном мире. И сейчас стрелка этого компаса была нужна ему как никогда.

Минут через пять в трубке щелкнуло, и раздался голос, который он ждал. Спокойный, чуть усталый, но знакомый до последней нотки.

– Слушаю?

– Виктория Валентиновна, – нарочито официально произнес я в трубку. – Беспокоит оперуполномоченный Чурсинов. Олег. Может, припомните такого.

В голосе мгновенно сменились регистры – спокойная отстраненность уступила место живой тревоге.

– Ты что, Олег? Заболел?

– Да меня тут на входе застрашали, сказали, обращаться строго по имени-отчеству, – он не сдержал смешка. – Как жизнь, как здоровье?

– Да вот, скоро в декрет, а всё потрошить приходится, – в ее голосе проскользнула привычная ирония.

– Представляю, какие акварельки будет рисовать твой малыш, когда родится, – пошутил он в ответ.

– Да уж, – донесся из трубки тихий смех. – Ты как?

– Все по-старому. Вик, я по делу. Помнишь, три дня назад привозили труп с раной в сердце?

Пауза.

– А-а! Того милиционера... с колом?

– Да-да, он самый! – подтвердил Чурсинов, чувствуя, как азарт снова разгорается в крови.

– Я его не вскрывала.

Два этих слова прозвучали как выстрел. Кровь отхлынула от моего лица.

– Как не вскрывала?! Времени-то сколько прошло?! – он вскочил со стула, едва не вырвав провод из стены.

– Вот так. Его родные забрали.

– Подожди, какие к черту родные? Он же сирота! Забрали без вскрытия? – Мозг отказывался принимать информацию. Это было невозможно.

– Ну, мне это неведомо, – ее голос снова стал холодным и профессиональным. – Принесли бумагу и забрали. Документы в идеальном порядке. Разрешение подлинное, заверено всеми мыслимыми и немыслимыми печатями. К тому же, согласишься, причина смерти и так налицо.

– Данные... данные этого родственника есть?

– Ты имеешь в виду – её.

Пауза была короткой, но для меня она растянулась на вечность.

– Кого – «её»? – переспросил он, ничего не понимая.

– За ним сестра приезжала. Знаешь, даже похожа на него. Только говор странный, тягучий. Словно иностранка.

– Как выглядит? – спросил он, сам не зная, зачем мне это.

– Рыжая почти медная, – начала она описывать с чисто женским вниманием к деталям. – Глаза – зеленеющие, просто ведьминские, смотришь и не по себе. Худенькая, точеная. И улыбка... знаешь, полный рот идеально белых зубов. Мне, со всеми моими пломбами, даже завидно стало. В общем, тебе бы точно понравилась, симпатичная девочка.

– Продиктуй данные, – он схватил со стола карандаш, уже зная, что услышу нечто важное.

– Пожалуйста. Одну минуту.

Олег нервно барабанил пальцами по черному, выдавшему, наверное, еще Феликса Эдмундовича, телефону. Наконец с той стороны заговорили:

– Записывай. Грамарина Наталья Эрастовна.

– Хм, – вырвалось у него. И это «хм» было тяжелым, как могильная плита. Фамилия... что-то до боли знакомое, погребенное под слоями старых дел о похищении сена и бытовыми убийствами, зацепилось за край сознания и теперь медленно всплывало на поверхность.

Это «хм» было тяжелым, как могильная плита. Оно не было звуком удивления или сомнения. Это был гул, поднявшийся из самых заброшенных, заваленных хламом и пылью комнат его памяти. Словно кто-то повернул ржавый ключ в замке, который он сам считал давно и намертво заклинившим.

Грамарина.

Пять лет назад. Он, еще совсем молодой, дерзкий, уверенный, что ему по силам свернуть горы и заглянуть в глаза самой бездне. Тогда по району прокатилась серия смертей, которые для всех, кроме него, выглядели как трагические случайности. Бизнесмен, чье сердце остановилось в запертой изнутри квартире. Мелкий чиновник, неудачно поскользнувшийся у открытого окна. Криминальный авторитет, который банально «запарился» в собственной бане. Дела закрывались, не успев начаться. Никакого криминала.

Но его чутье кричало. Он, вгрызаясь в это дело и слушая пьяные откровения, нашел тонкую, гнилую нить, связывавшую всех покойников. Грязное дело о рейдерском захвате детского дома в Питере, замятое, похороненное под ворохом бумаг и взяток. Виновных не было. А потом они начали умирать.

Именно тогда, копая в полузабытых городских легендах, он и откопал эту фамилию – Грамарины. Не банда, не группировка. Нечто иное. Старинный, почти мифический род, который, по слухам, считал себя вправе вершить собственное правосудие. «Чистильщики», которые приходили туда, где бессилён или продажен закон. Их методы были хирургически точны, всегда замаскированы под фатальное стечение обстоятельств. Неоспоримые несчастные случаи.

Он помнил, как принес свои догадки начальству. Помнил презрительные усмешки. «Ты еще про вампиров нам расскажи, Чурсинов! Иди делом займись, а не романы сочиняй».

И в тот момент его папка с наработками, его бессонные ночи, его истина – всё это превратилось в пыль, в анекдот для курилки. Это был не просто отказ. Это был первый сокрушительный удар по его самолюбию, первая трещина в броне его молодой, дерзкой веры в справедливость.

И он совершил ритуал.

Той же ночью. Дешевый коньяк, выпитый на прокуренной кухне у друга, не принес забвения – он лишь вытолкнул его из душевного тепла в ледяную промозглость питерской осени.

И вот он стоял, вцепившись в холодные перила моста Александра Невского, и смотрел вниз. Под ним была не просто вода. Под ним была черная, маслянистая плоть Невы, равнодушно принимающая в себя огни города, его тайны и его мусор. И он, шатаясь от алкоголя и бессильной ярости, решил добавить в эту коллекцию еще один экспонат.

Папка полетела с моста, кувыркнувшись в воздухе, как подбитая птица. Она исчезла в темной воде без всплеска, без звука, словно ее и не было. Словно река просто поглотила его правду, его провал, его унижение. Он похоронил своего призрака в холодной невисской могиле. Так ему тогда казалось.

Но он ошибся. Папка утонула, а призрак остался. Призрак его самого громкого провала, дела, где чутье разбилось о гранитную стену системы. Он просто отдал реке улики против самого себя, против своей неудачи. А теперь эта утопленная папка-призрак всплыла в его памяти, и ее страницы пахли тиной и смертью.

Убитый милиционер – плевков в лицо закону. Кол в сердце – не просто орудие, а театральный жест, кровавая подпись, говорящая: «Мы здесь. Мы судим». Появление «сестры» с безупречными документами, способными обмануть даже Викторину – это была их визитная карточка. Демонстрация силы, наглости и абсолютного контроля.

Олег в одно мгновение понял всё. Это не новое дело. Это последний акт старой пьесы. Призрак из его папки-невидимки обрел плоть и кровь. И эта плоть – зеленоглазая девушка с фарфоровой улыбкой. Он не просто столкнулся с убийцей. Он столкнулся лицом к лицу с тенью, которую однажды уже пытался поймать.

И теперь эта тень пришла сама.

– Записывай адрес.

Олег торопливо заскрипел карандашом по бумаге.

– Спасибо, Вика. Ты не просто прелесть, ты – ангел-хранитель.

– Я скоро сама буду под охраной ходить, – устало усмехнулась она в трубку. – Береги себя, Чурсинов. И не вляпайся.

– Постараюсь. До встречи.

Тяжелая эбонитовая трубка с глухим стуком легла на рычаг. Тишина кабинета, нарушаемая лишь тиканьем часов, показалась оглушительной. Олег смотрел на клочок бумаги. Всего несколько строк, а в них – эпицентр надвигающейся бури.

Васильевский остров.

Ну конечно, «Васька». Остров аптекарей, алхимиков и призраков, с его дворами-колодцами и вечной промозглой тенью. Место более чем подходящее.

«Кто же ты такая, сестрица?» «И каким боком ты Грамарина?» «Та, ли ты Грамарина?» – мысленно задал он вопросы неясному образу один за другим. Чтобы заставить морг отдать тело без вскрытия, нужны не просто деньги. Нужна власть. Такого рода, что может переписывать правила на ходу, заставляя бюрократическую машину крутиться в обратную сторону.

План действий начал выстраиваться сам собой, словно карта на старом пергаменте. Завтра – в Питер. И первым делом нужно найти человека, который мог бы пролить свет на эту чертовщину. Павел Сергеевич. Олег до сих пор помнил название его пыльной монографии, прочитанной еще в юности: «Сатанизм выходит из подполья: перестройка в опасности». Бывший преподаватель, эксперт по сектам и городским легендам, который после развала Союза ударился в бизнес и торговал жвачкой «Дональд Дак» по рублю за штуку у Витебского вокзала. Ходячая энциклопедия по всей чертовщине Петербурга. Олег надеялся, что этот странный человек его еще помнит.

А потом, если хватит духу и времени, – на Васильевский. Он с трудом представлял, что скажет этой женщине. Как он посмотрит в ее зеленющие глаза и произнесет это имя, тяжелое, как фамильный склеп: Грамарина Наталья Эрастовна.

Оставалась последняя зацепка, последняя ниточка в этом проклятом деле. Группа крови. С ней пока пролет полный. Разве что... Олег криво усмехнулся. Разве что позвонить в поликлинику МВД. Убитый был милиционером, а значит, должен был проходить медкомиссию при поступлении на службу. Хоть какая-то конкретика в этом тумане мистики.

Олег бросил взгляд на часы. Стрелки, будто уставшие за неделю, лениво подползали к пяти. Время побега.

Пятница. Негласный короткий день – святая традиция, установленная неизвестным божеством и чтимая всем личным составом с почти религиозным рвением. К пяти часам вечера отделение вымирало.

Он приоткрыл дверь. Длинный коридор был уже пуст и гулок. Тишина, мертвая, казенная. Прошелся по этажу – ни души. Лишь за первой, приемной, дверью кабинета начальника горел свет и угадывалось движение. Островок жизни в вымершем здании. Олег на цыпочках проскользнул мимо этого единственного «живого» пятна, вниз по лестнице и с почти мальчишеской радостью толкнул тяжелую входную дверь.

Ступеньки крыльца, и вот он – свежий воздух. Прохладный, острый, пахнувший прелой листвой и дождем. Олег вдохнул полной грудью. Осень. Самое честное время года. Природа не притворяется, она замирает в предчувствии холодов. Точно так же замирает и человек, шагнувший из теплого душа в стылую комнату.

– А до теплого одеяла – шагов восемь, не меньше, – сказал он в пустоту и усмехнулся своим мыслям.

Домой не тянуло. Пустая квартира встретила бы его тем же молчанием, что и опустевшие коридоры. Но возвращаться в казенное чрево этого здания, пропитанного запахом дешевого табака и чужой беды, хотелось еще меньше. Пяти минут в его стенах хватало, чтобы почувствовать, как на плечи ложится свинцовая усталость всего мира.

ГЛАВА 2

Холостяцкий ужин готовился по давно отработанной, безрадостной схеме. На плите, подрагивая крышкой, закипала вода в кастрюльке с сосисками. В миску полетел желтоватый порошок, который производитель нагло именовал «картофельным пюре». Олег залил его кипятком, размешал, с сомнением глядя на клейкую массу. Была ли в ней хоть одна молекула настоящего картофеля – большой вопрос.

Пока ужин «доходил», он запустил старенький компьютер. Системный блок недовольно загудел, и через пару вечно долгих минут на экране появился рабочий стол. Щелчок по выцветшей иконке «Internet Explorer». Раздалась знакомая трель модема – чередой писков, шипения и скрежета, соединяющая его квартиру с цифровым миром.

В почтовом ящике – одно-единственное письмо. Уголки его губ сами собой поползли вверх, когда он увидел имя отправителя: «Лада».

Внутри, как всегда, было не больше двух строк, набранных латиницей. Ни фотографий, ни подробностей. За год их переписки он так и не узнал, кто она, откуда, как ее зовут на самом деле. Лишь эти короткие, почти прозрачные весточки, которых он ждал, сам себе в этом не признаваясь.

«Privet, Oleg. K sozhaleniyu, priehat ne smogu – ochen vazhnye dela».

Он усмехнулся. Как всегда. Кратко, туманно и без малейшего шанса на встречу. Он набросал такой же лаконичный ответ, просто чтобы обозначить свое присутствие. Мелькнула шальная мысль: «Лишь бы не оказалась бородастым мужиком». Улыбка стала шире. Он нажал «Отправить».

Тарелка с сосисками и пюре перекечевала на диван. Экран телевизора замелькал кадрами из чужих, выхолощенных жизней – сплошные сериалы. Бесцельно пощелкав кнопками пульта, Олег раздраженно убил звук и включил радио. Тихий джаз заполнил комнату, но не смог заглушить мысли.

Из головы не выходила она. Загадочная родственница Незваного. Грамарина.

Хватит маяться дурью. Не желая больше вариться в собственном соку, он решительно взял телефонную трубку и набрал номер. Это был номер человека, который курировал его район по линии криминальной милиции. Велосипед изобретать было поздно. Пора было подключать тяжелую артиллерию.

После нескольких долгих, тягучих гудков на том конце провода отозвался настороженный, уклончивый мужской голос.

– Слушаю.

– Здравствуй, Константин. Это Чурсинов.

В трубке повисла короткая пауза, словно собеседник сверялся с каким-то внутренним списком.

– ...Да, Чурсинов. Помню.

– Я по поводу милиционера с деревом в сердце. В судмедэкспертизе сказали, что тело Незваного отдали без вскрытия.

– Так и есть, – голос Кости стал еще более отстраненным. – Там такие люди были подключены... на уровне, которого тебе лучше не касаться.

– А с его родственницей говорили? С этой... сестрой?

– Говорили.

Олег стиснул зубы, сдерживая нетерпение.

– Ну и?..

– Да ничего интересного. Обычная истерика, горе, шок. Закрыли тему.

– Я так и знал. Спасибо, – Олег с досадой вдавил кнопку отбоя, обрывая гудки на полуслове.

Разговор оставил во рту привкус ржавчины. С Костей у них всегда так. Человек-загадка, обернутый в три слоя паранойи и служебного рвения. Все испортила та старая история, про которую Олег старался не вспоминать. Его, Олега, ошибка, рожденная из простого желания докопаться до сути, не потопила все дело, но оказалась достаточной, чтобы Константин зашифровался окончательно. Он одно время даже телефон Олега прослушивал, пытаясь изобличить того самого мифического «оборотня в погонах», о котором так любят шептаться в курилках.

Олег посмотрел на свой старенький, молчаливый «Сименс», лежащий на столе.

– Ладно, шифруйся дальше, – бросил он в пустоту. – Сам разберусь.

Он отыскал свою старую, потрепанную записную книжку, где на одной из последних страниц нашелся заветный номер. Короткий, деловой звонок Павлу Сергеевичу – договорились на первую половину дня.

Остаток вечера растворился в синем мерцании телевизора. Ужин, съеденный без аппетита, и кровать, в которую он провалился, как в омут. Сознание отключилось под тревожную, кровавую эстетику «Багровых рек», и фильм незаметно перетек в беспокойный сон.

Ему снился коварный Костя, но не в привычном милицейском кителе, а в образе чекиста из двадцатых. В потертой кожанке, с сигаркой в углу рта, он сидел за старинным коммутатором и, виртуозно орудуя штекерами, вслушивался в чужие жизни, прижав к уху единственный наушник. В какой-то момент он поймал в сети разговор Чурсинова, и его лицо озарилось торжествующей улыбкой.

– Расстрелять контру! – радостно выдохнул он сквозь табачный дым.

– За что?! – возмутился Олег во сне и от этого возмущения проснулся.

Из телефона бойко и совершенно неуместно наигрывала беззаботная мелодия из передачи «В мире животных». Вставать не хотелось. Олег еще полчаса торговался с реальностью, но внезапная мысль об уходящей электричке подбросила его с кровати. Начались хаотичные метания по комнате, и через пять минут он уже захлопывал за собой дверь, на ходу застегивая куртку.

В электричке он провалился в поверхностный, тревожный сон оперативника, позволяющий отключить мозг, но оставить уши начеку. Как и всегда, он проснулся ровно за мгновение до того, как диктор объявил прибытие на Финляндский вокзал.

Еще полчаса в лабиринте питерских улиц, и вот он – нужный адрес. Массивная, обитая дерматином дверь. Звонок был мертв. Олег сначала деликатно постучал костяшками пальцев, потом, теряя терпение, пустил в ход кулак, и глухие удары эхом разнеслись по лестничной клетке. Наконец, с той стороны послышался скрежет, и замки, один за другим, начали щелкать, отпирая дверь.

– Павел Сергеевич? – вопрос, полный недоверия, застыл на губах Олега.

Из квартиры ударил тяжелый дух застарелого перегара, гниющего мусора и немытого тела. Букет запахов, безошибочно указывающий на то, что жизнь здесь давно пошла под откос. Человек, открывший дверь, был живым воплощением этого смрада. Опухшее лицо, покрытое недельной щетиной, мутные, почти бесцветные глаза и какая-то общая, жалкая помятость. И он был пьян – не вчерашним, а сегодняшним, утренним, безнадежным запоем.

– Кого надо, братан? – хрипло спросило это бородатое чудо-юдо.

– Павла Сергеевича Брындина, – с трудом проговорил Олег, пытаясь не дышать.

– Нету тут такого.

– Как нет? Я вчера звонил, он мне отвечал и...

– А-а-а, так это ты трезвонил? – в мутных глазах промелькнуло подобие мысли. – А я-то думаю... Не, братан. Нет тут никаких Павлов.

– А ты кто? – разговор стремительно скатывался в абсурд.

– Я? Я Колян.

– А фамилия?

– Тебе зачем?

– Где Брындин? – Олег разочарованно заглянул ему за плечо. Коридор, превратившийся в свалку из тряпья и пустых бутылок, красноречиво отвечал на все вопросы. День начался не просто плохо. Он начался хреново. – Зачем ты врал мне по телефону? Говорил, что рад меня видеть...

– Не помню такого! – искренне удивился Колян.

– Я лет пять назад был в этой квартире... – начал Олег, и эта фраза повисла в затхлом воздухе, как последняя, отчаянная попытка найти связь с прошлым.

– А я здесь только третий год живу. Прошлого хозяина не видел, меня сюда из коммуналки переселили.

Слова Коляна были простыми и окончательными, как приговор. Надежда, и так едва теплившаяся, погасла.

– Понятно, – выдохнул Олег. – Ну ладно, веселись дальше.

Он развернулся и медленно побрел вниз по лестнице, слушая, как шаги гулко отдаются в тишине. За спиной грянула, отрезая его от этого островка распада, дверь.

На Васильевский остров он ехал уже почти по инерции. Остатки утреннего энтузиазма испарились без следа. Даже если эта мифическая сестра существует, что он ей скажет? «Здравствуйте, ваш брат был связан с криминалом?» Абсурдность ситуации давила, но что-то – упрямство, профессиональный долг или просто нежелание признавать поражение – тащило его к намеченной цели. Он поднимался по очередным ступеням, уже заранее готовый к нулевому результату, и остановился перед указанной на бумажке дверью.

– Непохоже на жилище человека, который ворочает такими связями... – пробормотал он, глядя на обшарпанный дерматин и ржавые потеки.

Привычным взглядом оперативника он просканировал стены. Эта настенная летопись подъезда, не знавшая свежей краски со времен Брежнева, могла рассказать о жильцах больше, чем любая домовая книга. Имена, прозвища, род занятий, а порой и совсем уж неприличные подробности – всё было здесь.

Но он не нашел ни трогательного «Я люблю тебя, Наташа» с выцарапанным сердцем, ни лаконичного и злобного «Грамарина – дура». Ничего, что указывало бы на человека из его дела. Зато обвинений в нетрадиционной ориентации в адрес некоего Павла было в избытке.

Олег глубоко вздохнул и решительно вдавил кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и на пороге возник человек лет сорока. Сальные, давно немытые волосы, лоснящееся, одутловатое лицо и огромный живот, который слепяще-белая, на удивление чистая майка обтягивала так, что, казалось, вот-вот лопнет по швам.

– Здесь проживает Грамарина Наталья?.. – вопрос был пустой формальностью, брошенным в воздух для очистки совести. Глядя на этого человека, Олег почти не сомневался, что перед ним тот самый «герой» настенной живописи. – А вы, наверное, Павел?

– Да, я Павел, – толстяк подозрительно оглядел его с ног до головы. – А ты к кому?

– Я уже спросил, – Олег почувствовал, как в нем закипает глухое раздражение. Он нетерпеливо шелкнул удостоверением перед самым лицом Павла. – Из милиции я. Мне нужна Грамарина Наталья Эрастовна.

Лицо Павла из подозрительного мгновенно стало багровым, налилось тупой яростью.

– Я милицию не вызывал! Пошел ты!.. – выпалил он и добавил, исковеркав отчество: – Не знаю я никакой Пид...растовны!

Дверь с грохотом захлопнулась перед самым носом Олега. На мгновение он остолбенел от такой наглости. А потом кровь ударила ему в лицо. Он забарабанил кулаком по дерматиновой обивке.

– А ну-ка открой, Паша! Открой дверь!

Движение за дверью замерло. Наступила тишина, а через минуту из глубины квартиры донесся пронзительный женский визг.

– Уходи немедленно! Я сейчас милицию вызову!

– Да я тут уже! – заорал в ответ Олег, понимая всю абсурдность ситуации.

Он с досады пнул ни в чем не повинную дверь, тут же проклиная себя за несдержанность. Медленно спустившись вниз, он вырвался из душного подъезда, словно из ловушки. Остановившись на тротуаре, он раз десять глубоко вдохнул сырой городской воздух, пытаясь унять колотящееся в груди сердце.

– Полный облом, – пронеслось в голове у Олега.

Он обвел взглядом окна третьего этажа в слабой надежде уличить негодника Пашу. Окна в ответ смотрели на него равнодушно и пусто. Олег развернулся и быстрым шагом направился прочь из этого двора-колодца. Вот тебе и мистическое место.

В голове царил туман. Что делать дальше – непонятно. Зато теперь кристально ясно: день пролетел впустую, а вся эта история с сестрой – скорее всего, миф. Ложный след, за которым по непонятной причине маячат тени то ли спецслужб, то ли мафии. Которая, как известно, бессмертна.

Он в последний раз обернулся, окинув взглядом темные окна третьего этажа, – и замер как вкопанный. Там, в том самом проеме, куда он только что ломился, на одно лишь неуловимое мгновение возник светлый женский силуэт. Яркой медью вспыхнули волосы, выхваченные светом из глубины комнаты, – и в следующий миг занавеска резко дернулась, поглотив видение. Словно и не было ничего.

«Показалось», – отрезал он сам себе, стараясь не выдать своего волнения. Он ровным шагом прошел под аркой и оказался на одной из линий Васильевского острова.

Возможно, это была та самая женщина. А может, и нет. Но этот образ – белое каре, мелькнувшее в темном проеме, – никак не хотел уходить.

«Хватит. Надо прийти в себя. И для начала – поесть», – решил Олег. После такого «удачного» дня он это заслужил. Он знал здесь неподалеку чудесное заведение, пироговую, где можно было взять несколько кусков с абсолютно разными начинками. Цены кусались, но это было неважно. Еда там была в сто раз лучше и честнее, чем в безликом «Макдоналдсе» или у лоточника, лепящего шаверму из неведомых ингредиентов.

На ходу, не сбавляя шага, он достал сотовый и набрал домашний номер судмедэксперта. После серии тягучих, безразличных гудков в трубке ответил мужской голос.

– Алло.

– Чурсинов. Викторию Валентиновну, будьте добры.

– Да, сейчас, – невозмутимо отозвался мужчина.

Пауза. А затем – бодрый женский голос:

– Привет, Олег. Что стряслось?

– Вика, привет. Скажи, откуда ты брала адрес этой Грамариной, сестры убитого?

– С паспорта, естественно. Да и в разрешении на выдачу тела он был указан.

– Понятно. Спасибо, Вика, извини за беспокойство.

– Да ладно, это всего лишь звонок.

Так. Олег мысленно почесал в затылке. Паспорт. Разрешение. Два официальных документа, до которых ему теперь не дотянуться. Это означало одно: тыкаться вслепую, без ресурсов и доступа к базам ГУВД – все равно, что искать ту самую черную кошку в темной комнате, когда у всех остальных есть приборы ночного видения.

Наконец он увидел знакомую вывеску и толкнул дверь. Внутри было тихо и по-домашнему пахло печеным тестом, грибами и мясом. Людей почти не было. Олег, вдыхая эти про-

стые и честные ароматы, опустился за столик у стены. Тут же к нему подлетела молоденькая, симпатичная официантка и положила меню. Он даже не стал его открывать.

– Порцию с грибами, две с мясом. И чай.

Через пару минут на столе уже дымился аппетитный натюрморт, а в небольшом пузатом чайнике плескался кипяток.

– Спасибо, – поблагодарил Олег девушку.

– На здоровье, – ответила она и наградила его широкой, искренней улыбкой.

Олег налил себе чаю в красивую керамическую кружку и, отложив на время все свои провалы и догадки, не спеша принялся за еду.

Шанс. Только слепой случай мог теперь вывести его на нить, ведущую к разгадке. Эта мысль, горькая и трезвая, крутилась в голове Олега. Значит, нужно помочь этому случаю. Придется вернуться к началу и найти другого человека, сведущего в сатанинской символике. Источник был один – мусорные бесплатные газетки, которые суют в руки у каждой станции метро. Там, на последних страницах, всегда располагался целый паноптикум: угрюмые лица в цепях, «потомственные» маги и прорицатели, на которых без смеха смотреть было невозможно. Эту идею Олег решил осуществить немедленно. Была и вторая мысль – осмотреть квартиру самого Незваного. Но это уже из области фантастики. Пробриться туда будет почти нереально. Скорее всего, там живет такой же «Паша», как и по адресу, что дала «сестра». Хотя... наверху об этом не могут не знать. Осмотр помещения должны были производить. Обязаны были. В конце концов, Незванный как-то попал в органы, проходил проверки. Хотя теперь набирали кого попало... Одним словом, чем дальше в лес, тем злее партизаны.

Расправившись с пирогами и осушив чайник, Олег попросил счет. Расплатившись и еще раз кивнув официантке, он вышел на улицу.

До метро было минут десять пешком. За это время он успел позвонить другу – Юра, естественно, не отказал в ночлеге. У входа в подземку газетами никто не торговал, их не совали в руки – они просто лежали брошенной стопкой на грязном асфальте. Олег выудил один экземпляр и сразу развернул на последней странице.

Как он и ожидал, она пестрила фотографиями «магов» и «волшебников», за умеренную плату суливших любовь, богатство и вечную славу. Его палец ткнулся наугад в объявление некоего Ивасенко Виктора Степановича. Тот утверждал, что он – «потомственный бурятский шаман», снимает порчу, венец безбрачия, лечит от бесплодия и попутно составляет гороскопы... Судя по фотографии, бурятских корней в этом типичном славянском мужике нельзя было разглядеть даже под электронным микроскопом. Но палец выбрал его. Ну что ж, значит, так решила судьба.

Олег набрал номер.

– Слушаю, – ответил мужской голос.

– Здравствуйте. Виктор Степанович? Я по объявлению.

– Я – шаман, – с легким укором поправил голос. – По какому вопросу?

– У меня дело... которое, как мне кажется, по силам только специалисту вашего уровня.

Детали могу сообщить только при личной встрече.

На том конце провода повисла многозначительная пауза.

– Хорошо, подъезжайте в среду.

– Нет, среда никак, – с наигранным отчаянием протянул Чурсинов. – Дело не ждет. В долгу не останусь.

– Хорошо! – тон шамана мгновенно потеплел. – У меня, правда, все по записи, но... я чувствую, у вас нечто безотлагательное. Сделаем исключение.

Олег скептически изогнул бровь.

– Приезжайте через пол часа. Сегодня, – добавил шаман.

– Буду. До встречи.

«Надо же, чувствует безотлагательность», – Олег хмыкнул, убирая телефон в карман. Шарлатанская чуйка на деньги сработала безотказно.

Время еще было, и Олега потянуло в оружейный магазин – в мир холодной стали и понятных правил, так непохожий на абсурд этого дня. Он постоял, разглядывая витрины. Задержался у стеллажа с ножами, долго рассматривая идеальные линии испанского клинка. Тяжело вздохнув – не то от цены, не то от осознания бесполезности этой красоты в его нынешней жизни – он развернулся и направился к метро.

Вышел на «Чернышевской». Как пройти по указанному адресу, он не знал. Но язык, как известно, доводит куда угодно. До Киева Олегу было не надо, а вот до нужного дома он его довел без проблем.

Дверь была старой, но прочной, из массива дерева, с бронзовой ручкой, отполированной тысячами прикосновений до блеска. Эта дверь говорила о хозяине многое: о любви к порядку и старым, добротным вещам, в отличие от безликих железных листов, за которыми теперь прятались все.

Олег нажал на кнопку звонка. За дверью послышались шаркающие шаги, лязгнули запоры, и на пороге возник мужчина лет пятидесяти с небольшим. Длинные седые волосы собраны в тугий хвост. Лицо, словно перепаханное плугом глубоких морщин. И усталые, выцветшие глаза под тяжелыми веками.

На нем был мешковатый спортивный костюм, а весь величественный образ потомственного шамана разбивался вдребезги о ноги, тонувшие в огромных плюшевых тапках в виде двух вислоухих собачек.

– Виктор Степанович?

– К вашим услугам. Это вы звонили... – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Шаман..

– Чурсинов. Уголовный розыск. – Олег коротко блеснул красной корочкой удостоверения. – Поговорить надо.

Лицо шамана мгновенно скисло. Клиент, суливший «не остаться в долгу», обернулся обычным милиционером. Весь мистический антураж стал бесполезен.

– Прошу вас, заходите!

Как только Олег переступил порог, его словно окунуло в густой, тяжелый кисель. В нос ударил душливый, приторно-сладкий запах благовоний, смешанный с ароматом сушеных трав, пыли и чего-то старого, затхлого – так пахнет в антикварных лавках, где время остановилось.

Олег проследовал за ним, по привычке не снимая обуви, чем вызвал тихое, недовольное сопение хозяина.

– Все эти ваши милицейские штучки, – проворчал тот себе под нос.

– Я к вам по делу, – начал Олег, игнорируя ворчание. – Мне вас отрекомендовали как серьезного специалиста в... определенной области.

– Бросьте, – отмахнулся шаман.

Квартира тонула в полумраке. Тяжелые, бархатные шторы, вероятно, темно-бордового цвета, наглухо перекрывали доступ дневному свету, и единственным его источником служила тусклая лампа под плетеным абажуром, отбрасывавшая на стены дрожащие, уродливые тени.

Проводив его в главную комнату, которая, очевидно, служила и кабинетом, и святилищем, шаман указал на старое кресло, обитое потрескавшейся кожей. Сам он опустился за массивный дубовый стол, который выглядел главным экспонатом в этом музее мистицизма.

Атмосфера была не таинственной, а именно театральной, срежиссированной. Олег, с его профессиональной наблюдательностью, мгновенно считывал фальшь. Стены были завешаны выцветшими гобеленами с неясными символами, индейскими «ловцами снов», купленными, вероятно, в сувенирной лавке, и картами звездного неба. С потолочных балок свисали пучки

полыни и чертополоха, распространяя горьковатый аромат. На полках теснились черепа каких-то мелких животных, потемневшие от времени книги в псевдо-старинных переплетах, мутные кристаллы и связки птичьих перьев.

И посреди всего этого мистического балагана царил сам хозяин в своем мешковатом спортивном костюме и смешных тапках. Эта деталь рушила всю тщательно выстроенную декорацию, вносила в нее элемент абсурда. Воздух был плотным и неподвижным, но не от присутствия древних сил, а от банальной духоты и отсутствия вентиляции. Из недр квартиры доносился едва слышный, но настойчивый монотонный гул – скорее всего, старый холодильник «Зил».

Эта квартира была не обителью мага, а сценой, на которой каждый предмет был реквизитом, призванным убедить доверчивого клиента в могуществе хозяина. Для Олега это было лишь нагромождением хлама, попыткой создать иллюзию тайны там, где ее и в помине не было.

– Дело серьезное, – Олег понизил голос, делая ставку. – Убийство.

Это сработало. В усталых, выцветших глазах Виктора Степановича мелькнул живой интерес.

– Правда? – Он скептически усмехнулся. – И с каких это пор доблестная милиция прибегает к помощи шаманов и магов?

– А то вы не знаете! – ухмыльнулся Олег. – Эта практика еще со времен Екатерины тянется. Да что там, возьмите НКВД. Сплошная магия и оккультизм.

– Пф! – фыркнул шаман, и интерес в его глазах снова потух. – Вы же не НКВД.

– Увы, нет. – Олег вытащил из кармана небольшой бумажный сверток. Он развернул его и выложил на потертую кухонную клеенку крест с цепочкой. Предмет лег на стол между ними холодным, тусклым отблеском.

– Это найдено на месте убийства, – продолжил Олег, внимательно следя за реакцией шамана. – Я предположил, что владелец принадлежал к какой-нибудь сатанинской секте. – Он сделал паузу. – Вы не могли бы сказать, что это за символ? В общем, вам виднее.

Шаман даже не коснулся вещи. Он лишь лениво скользнул по ней взглядом, в котором читалось легкое презрение к дилетантству гостя.

– К сатанистам это не имеет никакого отношения. Так как это, – он сделал короткий, отсекающий жест рукой, – вообще не крест.

– Как это... не крест? – Олег, ошарашенный, уставился на него. Его уверенность дала трещину.

– А вот так, – снисходительно хмыкнул шаман. – Это созвездие. Лебедь.

– Какого еще, к черту, лебедя?! – в голосе Олега прорвалось откровенное раздражение. Он схватил украшение, вертя его в пальцах, словно пытаясь силой воли вернуть ему привычную форму перевернутого креста.

– Поверьте, я знаю, о чем говорю. У меня по этой теме диссертация защищена, – с ноткой застарелой академической гордости произнес шаман. Он взял с подоконника трубку с длинным мундштуком и с видом профессора, поймавшего нерадивого студента, принялся ее раскуривать. – Эту фигуру еще Евдокс Книдский изображал в IV веке до нашей эры. Вот это – Денеб, – он ткнул чубуком в самый крупный камень на длинной части. – А это – двойная звезда Альбирео, у «головой». Ну а крупный камень по центру, без сомнений, Садр.

Олег молчал, разглядывая то, что еще минуту назад было для него уликой и ключом к сатанинскому следу, а теперь оказалось миниатюрной картой звездного неба.

Олег молча рассматривал миниатюрную карту звездного неба, которая еще минуту назад была для него ключом к сатанинскому следу.

– Возможно, это знак одной из степеней посвящения... скажем, Ордена Рыцарей Святого Грааля, – шаман задумчиво выпустил в воздух облако ароматного дыма, словно материализуя

в нем свои догадки. – Они действовали в Петрограде в двадцатых годах. Впрочем, это лишь гипотеза.

– Значит... созвездие Лебедь, – Олег сжал украшение в кулаке, словно пытаясь удержать ускользающую суть дела. Он искал подтверждения, а не новой загадки. – Вы уверены?

– Без всякого сомнения.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – глухо произнес Олег. – Этот орден... он может существовать до сих пор?

Шаман усмехнулся.

– Их всех пересадили еще в тридцатые. Но после недавней перестройки... можно ожидать чего угодно. Страну встряхнуло основательно. Вы когда-нибудь замечали, что символы масонов – циркуль и наугольник – до сих пор висят над входом в любое ПТУ? А герб бывшей ГДР? Это все звенья одной цепи, молодой человек.

– Впрочем, – шаман внезапно оборвал лекцию и посмотрел на часы, – на этом моя помощь, боюсь, исчерпана. Ко мне скоро придет клиент. Настоящий.

Олег хотел было пояснить шаману, что Масоны не патентовали молотки и циркули на земном шаре. Но передумал.

– Спасибо за лекцию, – с плохо скрытой иронией поблагодарил Олег, поднимаясь. – Если понадобится, я могу вам позвонить?

– Разумеется. Помогать органам – гражданский долг.

Олег вышел за дверь, и лязгнувший за спиной замок прозвучал как точка в конце очень странного предложения. Он так и не понял, была ли последняя фраза издевкой или искренним убеждением старого советского интеллигента. Лицо шамана было непроницаемо, как страница из учебника.

Улица встретила Олега шумом и привычной суетой, выдернув из душевного мира шамана и его туманных теорий. Ну и что теперь? Созвездие Лебедь... Орден Рыцарей... Бред какой-то. Гораздо вероятнее, что Незванный таскал эту цапку на шее просто так, потому что нравилось. Хотя главный вопрос оставался открытым: а его ли это вещь? Олег чувствовал, что его, но одного чутья в протокол не пришьешь. Чтобы удостовериться, нужно поговорить с сестрой, посмотреть семейные фото...

Фото!

Мысль, как вспышка, пронзила его прямо посреди тротуара. Он даже замедлил шаг. В первом ящике его стола, среди прочих материалов, лежала ксерокопия фотографии Незванного в полный рост. Снимок нашли скомканным в бардачке его шикарной машины. На нем погибший стоял на фоне каких-то живописных развалин, одетый в простую футболку и джинсы. Шанс, конечно, мизерный – на ксерокопии что-то разглядеть почти нереально, но это была зацепка.

Он тут же набрал номер соседа по кабинету. Первая попытка утонула в длинных гудках, но со второй ему ответили.

– Рома, это Чурсинов.

– Что стряслось, Олег?

– Ты сегодня в отделе будешь?

– Не-а, я завтра на сутки.

– Мне горит, Ром. Можешь заехать на пять минут?

– Никак, я у родителей в Рошино. Застрял.

– Тьфу ты, блин... – плюнул Олег. Ключи от кабинета были только у него и Романа. – Рома, завтра вытащи из ящика картонную папку, там копии фототаблицы с места, где милиционера убили.

– Ну?

– Там есть такая большая фотография этого Незваного. Будь другом! Под огромными увеличениями, ну, в общем, что хочешь делай, а рассмотри у него на шее цепочку! Это очень важно!

– Понял. Сделаю, – ответил невозмутимый голос Романа, привыкшего к подобным авра-лам.

– С меня пиво!

– Две бутылки.

– Идет! – рассмеялся Олег, чувствуя, как напряжение немного отпускает.

До завтрашнего дня руки были связаны. Олег вздохнул и направился прочь от центра, в спальные районы. Долгая дорога – метро, пересадка, дребезжащая маршрутка – вымотала окончательно.

Дверь открыл его давний приятель Юра – как всегда, с широкой, искренней улыбкой.

– Заходи, опер! Я уж думал, не доедешь.

Юра, двадцативосьмилетний холостяк, до сих пор жил с родителями. Правда, сейчас старики обитали на даче, оставив сыну в полное распоряжение просторную «трешку». Юра работал в крупной фирме по оргтехнике, был человеком на удивление цельным и спокойным. Олег давно подозревал, что именно трепетная забота о родителях, чье здоровье в последние годы пошатнулось, и была причиной его холостячества. Он всегда проводил выходные с ними на даче, и только звонок Олега заставил его сегодня остаться в городе. Юра был из тех редких друзей, на которых можно было положиться безоговорочно. И сейчас, после мистического шамана и мрачных мыслей, его простое, радушное гостеприимство было именно тем, что нужно.

– Ну, как служба? – спросил Юра, когда они уселись за стол, накрытый с заботой.

– Лучше не спрашивай, – Олег устало откинулся на спинку стула. – Не хочу портить вечер. Когда день за днем копаешься в чужой грязи, она начинает липнуть к тебе самому. В итоге и рассказать-то нормальному человеку нечего, кроме как об уродах, покойниках и тех, кто их такими сделал.

– Да уж, не позавидуешь, – сочувственно протянул Юра. Он разлил по бокалам темное, почти черное вино из пузатой глиняной бутылки. «Алазанская долина» лениво поблескивала в свете лампы.

Олег неожиданно спросил, словно продолжая какой-то внутренний, незавершенный спор:

– Юр, а ты что-нибудь про символы масонов знаешь?

– Ну, у них там целый гербарий был, – несколько удивленно отозвался тот. – А что?

– Мне сегодня один чужак заявил, что циркуль с молотком над нашими ПТУ – это их знак.

Юра пожал плечами.

– Слушай, ну были у них такие символы. Но это еще не значит, что теперь все ПТУ страны – филиалы масонской ложи.

– Ты прав, – Олег поднял бокал. – Давай, Юр... За то, чтобы было о чем поговорить, кроме работы.

Они звонко чокнулись. Тягучее вино обожгло горло.

– Так вот оно что, – усмехнулся Юра. – Тебя на тайные общества потянуло? Необычное дельце нарисовалось?

– А-а... – притворно обиделся он. – А я-то, наивный, думал, ты друга приехал наве-стить...

– Конечно, друга, – рассмеялся Олег. – Но и дело само себя не сделает.

– Ну и как, есть перспектива? – без особого интереса спросил Юра, подкладывая ему салат.

– Пока все в тумане, – отмахнулся Олег. – Я, если честно, первый день только занимаюсь.

– И, как водится, в свой выходной?

- А зачем он мне, этот выходной? – в голосе Олега прозвучал неприкрытый сарказм. Юра сменил тему, осторожно плеснув еще вина в бокалы.
- С бывшей так и не..?
- Нет. Все, – коротко отрезал Олег и одним глотком осушил бокал.
- Два года прошло, Олег. Пора бы уже...
- Не встретил еще. Да и там, внутри, – он неопределенно махнул рукой в сторону груди, – все как будто застыло.
- Ничего, отгадывает, – тихо сказал Юра. После короткой паузы он решил вернуться к более безопасной теме: – Ну так что у тебя там за интересное дельце, раз уж масонов приплел? Или секрет фирмы?
- Какой там секрет... У нас в поселке милиционера убили.
- Да ты что? – На этот раз в голосе Юры прозвучал неподдельный интерес.
- Вот, дали задание собрать информацию о нем, – туманно ответил Олег.
- Погоди. А почему ты в городе этим занимаешься?
- Так он сам городской был.
- И что? – удивился Юра. – В Питере своих оперов не хватает? Им же сподручнее, они город знают.
- Ну, ты же знаешь наше начальство, – Олег уклончиво пожал плечами. – Лишняя головная боль им ни к чему.
- Знаю. И знаю тебя, – Юра с хитрым прищуром посмотрел на друга. – Поэтому мне и сдается, что это была твоя личная инициатива.
- Ну... есть немного, – с виноватой улыбкой признался Олег.
- Остаток вечера прошел под аккомпанемент превосходного армянского «Ахтамара». О работе больше не вспоминали. Говорили о том, о чем можно говорить только со старым другом: о безбашенных студенческих временах, об армейском дурдоме, о девчонках, которые казались тогда центром вселенной. На душе у Олега теплело – не только от коньяка, но и от этого простого, мужского разговора, вытеснявшего мрак последних дней. Спать разошлись далеко за полночь, когда город за окном окончательно стих.
- Утро встретило их поздним солнцем и легкой головной болью. Кое-как позавтракав остатками вчерашней роскоши, Олег распрощался с другом и снова погрузился в городскую суету, направляясь в центр, к адресу, где когда-то жил Незванный.
- Это был старый петербургский двор-колодец, но подход к нему уже оброс приметам нового времени. Вход в арку преграждала тяжелая кованая решетка с домофоном, а сразу за ней застыл небольшой шлагбаум, поднявший вверх свою полосатую стрелу, словно указующий перст.
- «Неплохо устроился покойник», – хмыкнул про себя Олег, проходя в ухоженный, мощный плиткой двор. Здесь, вдали от уличного шума, царил почти деревенская тишина, создавая иллюзию полного благополучия. Он направился к нужной парадной, но на полпути замер. Вместо домофона и замка на тяжелой железной двери зияли два аккуратных квадратных выреза, обнажая пустые провода.
- «Странно», – подумал Олег и недоуменно толкнул массивную створку. Та беззвучно поддалась.
- На площадке, за небольшим столом, словно крепость, возвышалась женщина генеральских габаритов. Она окинула Олега цепким, оценивающим взглядом, но на его «Здравствуй» все же ответила сдержанным «Добрый день».
- Я из милиции, – он извлек удостоверение и протянул ей. – Можно задать вам пару вопросов?
- Она долго и придирчиво изучала красную книжечку, словно сверяя фотографию с неким внутренним эталоном благонадежности, после чего наконец кивнула:

- Слушаю вас.
- Вы знали жильца из семьдесят седьмой? Незваного.
- Ох, милый, меня о нем чуть ли не каждый день спрашивают. То ваши, то из КГБ.
- ФСБ, – машинально поправил Олег.
- Ну да, теперь ФСБ... – она с ностальгическим вздохом произнесла, – Раньше как-то солиднее звучало.
- Значит, и ФСБ интересовалось? – Олега это не удивило. Скорее, подтвердило, что он копает в верном направлении.
- Вчера заходили, – подтвердила женщина.
- Олег не стал уточнять, с какой целью. Было ясно, что с ней своей информацией «контора» делиться не станет.
- А почему у вас дверь нараспашку? Вместо замков – дыры.
- При этих словах женщина на глазах преобразилась, ее лицо побагровело от праведного гнева.
- Сняли! Будут, говорят, новые ставить, электронные. Да только третью неделю не едут, паршивцы! Я им вчера звонила, ругалась!
- Погодите... давно сняли? – насторожился Олег.
- Неделю уж как! – выпалила она. – В туалет, прости господи, не отойти. Все караулю, чтоб чужие не шныряли.
- Неделю парадная стоит нараспашку. Целую неделю.
- А к Незваному сестра его не приходила за это время?
- Не-ет, сестренка не заглядывала, – в ее голосе появились почти светские, сплетничающие нотки. – А вот девок разных – полон подъезд был. Парень-то видный, симпатичный. Я все диву давалась, чего его в вашу эту... милицию-то понесло? Деньги у него и так водились, и немалые.
- Деньги у него были. Поэтому и пошел, – с горькой усмешкой ответил Олег. – В милиции больших денег не заработаешь, зато есть кое-что другое...
- Да уж наслышаны, – она саркастически поджала губы. – Каждый день по телевизору показывают, как ваши братья-«милиционеры» с голоду пухнут.
- Олег почувствовал знакомую волну раздражения и усталости. Оправдываться? Доказывать, что не все такие? Бессмысленно. Надоело.
- Я поднимусь? – он решил прервать этот извечный и бесполезный спор.
- Поднимайтесь, – равнодушно пожала плечами женщина, возвращаясь к своему кроссворду.
- Олег двинулся по широкой, гулкой лестнице. Снова третий этаж, как у шамана. Ирония судьбы. Его шаги отдавались эхом в тишине старого ленинградского подъезда.
- Извините! – раздался за спиной неожиданно вкрадчивый голос консьержки.
- Олег остановился и обернулся.
- Мне сменщица запасной ключ от его квартиры оставила. Сказала передать, кто из милиции первый придет.
- Вот как? – Олег медленно спустился обратно. В его голосе зазвенела сталь. – А кому именно велела передать?
- Кто придет, тому и отдать, – с обезоруживающей простотой ответила та.
- «Странно, – пронеслось в голове у Олега, – чертовски странно». Неделю дверь нараспашку, а тут – нате вам, ключик. Он подошел к столу. На ее ладони, словно диковинная наживка, блестел обычный английский ключ.
- Это не мое дело, – торопливо добавила она, словно стряхивая с себя ответственность.
- Вы только расписку напишите, что получили.

– Хорошо, – Олег взял протянутый ему лист бумаги и быстро набросал: «Ключ от кв. 77 получил...», указав звание и фамилию.

– И номер удостоверения, пожалуйста, – добавила она с нажимом.

Теперь Олег насторожился по-настоящему. Эта показная дотошность была последней деталью в слишком уж гладкой картине. Он послушно вписал номер, намеренно перепутав две последние цифры. Пустяк, конечно, по фамилии его найдут за пять минут. Он и не собирался прятаться. Но это был инстинктивный жест, маленькая проверка. А если что – ну, знаете, устал, рука дрогнула, ошибся.

Больше ничего не спрашивая, он направился к лестнице, вертя в руках холодный металл ключа. Подарок. А бесплатный сыр, как Олег знал с детства, бывает только в мышеловке. Все это было слишком просто, слишком гладко, словно разыгрывалось по заранее написанному сценарию. Он чувствовал себя актером, выходящим на сцену в чужом, плохо срежиссированном спектакле.

Дверь – массивная, обшитая темным, дорогим деревом, с латунными цифрами «77» – выглядела как вход в банковское хранилище. И на этом великолепии, словно пощечина, белела бумажная пломба Прокуратуры Центрального района.

«К черту», – решил Олег. Он вставил ключ в скважину. Тот вошел легко, как в масло. Четыре глухих, выверенных щелчка дорогого механизма – и замок поддался. Тетка... эта генеральша внизу точно знала, что он не устоит перед соблазном. Простая с виду, а на деле – цербер на службе. Только вот чьей? Её принцип был ясен: всех впускать, никого не выпускать.

Дверь отворилась без малейшего скрипа, впустив его в плотную, спертую тишину квартиры.

Олег замер на пороге, прислушиваясь. Сердце колотилось где-то в горле. Он ждал окрика «Стоять, милиция!», топота тяжелых ботинок, лязга затвора. Но секунды капали в вязкую тишину, и не происходило ничего.

«Ждут, пока зайду глубже, – пронеслось в голове. – Втянуть в ловушку, как паук муху».

Профессиональная осторожность боролась с азартом сыщика. Он шагнул внутрь, ступая бесшумно, как кот, по мягкому ковру прихожей. В квартире не было ни звука, ни движения. Только пыльный полумрак коридора и ощущение чужого, застывшего мира. Его взгляд зацепился за приоткрытую дверь в глубине, из-за которой сочился слабый, безжизненный свет.

Он толкнул ее кончиками пальцев. Створка плавно и беззвучно отошла в сторону. Комната оказалась огромной, почти пустой. Сквозь плотно закрытые жалюзи на высоком окне пробивались тонкие пыльные лучи. В центре – массивный, холодный на вид камин из темного камня, а весь пол устлан светлой циновкой, пахнувшей сухой травой и забвением.

Обстановка первой комнаты была образцом безликой элегантности. Невысокая, стильная мебель, идеально подобранные тона, выверенное до миллиметра пространство. Во всем чувствовалась рука дорогого дизайнера, создавшего не жилое помещение, а витрину успеха – универсальный интерьер, который не мог не понравиться, потому что в нем не было ничего личного. Ни единой фотографии, ни одной случайной вещи.

За порогом следующей комнаты это холодное совершенство обрывалось. Здесь, очевидно, был кабинет, и по нему будто пронеслась слепая, неистовая буря. Теперь Олег понял, почему гостиная осталась нетронутой: там попросту нечего было искать. В кабинете же искали. Искали с яростью.

Тяжелый, монолитный стол, сделанный на заказ, стоял как оскверненный алтарь. Его ящики были вырваны с мясом и опрокинуты, а их содержимое – бумаги, папки, канцелярская мелочь – ровным слоем покрывало пол. Стены были испещрены глубокими, рваными вмятинами, словно по ним били кувалдой, простукивая в поисках тайника. Штукатурка была выбита до кирпичной кладки.

Под ногами хрустело стекло. Среди этого хаоса из книг с вырванными страницами и бумажного крошева Олег разглядел обломки каких-то деревянных статуэток и то, что заставило его замереть, – гипсовый слепок человеческого лица, расколотый на четыре почти равных куска. Он лежал на полу, как разбитая душа этого дома.

Среди этого погрома его внимание привлекла небольшая картина, вырванная из рамы, растоптанной чьим-то грязным ботинком. Олег поднял холст. На фоне живописных руин старинного замка, на огромном каменном ядре от катапульты, сидел рыцарь. Его вороненые доспехи были испещрены свежими вмятинами и царапинами – следами жестокой битвы. Длинные светлые волосы, выбившиеся из-под шлема, трепал ветер. В чертах его усталого лица, впрямом взгляде незнакомца из прошлого, Олег с ледяным уколом узнал Незваного. Кисть художника была уверенной, работа – сильной. На обороте холста было коротко начертано латиницей: «Montségur». Где-то, когда-то он уже видел эти руины... Волна смутного воспоминания коснулась его и отхлынула.

Олег бережно положил холст на единственную уцелевшую поверхность – монолитную столешницу. И шагнул в следующую дверь.

Спальня. И здесь – тот же ураган хаоса, только более личного, интимного. Но взгляд невольно приковала не разбросанная одежда и не вывороченные полки. Комнату подавляла собой огромная квадратная кровать. Она стояла на высоком подиуме, словно трон или жертвенный алтарь, и чтобы взобраться на нее, нужно было подняться на ступеньку.

Олег сделал шаг в глубь комнаты и...

Игла ледяного, животного ужаса прошла его от затылка до пяток. Вероятно, от полной неожиданности. Потому что на кровати, в густом полумраке задернутых тяжелых штор, сидел человек. Он не двигался. Он просто смотрел на Олега. И молчал.

Холод змеей пополз по спине, зашевелился в волосах, поднимая их дыбом. Инстинкт вырвал его из оцепенения: Олег молниеносно, как затравленный зверь, обернулся, проверяя спину. Никого. Резкое движение вернуло контроль над телом, согнало первый ступор.

Наваждение схлынуло, оставив лишь звенящую в ушах тишину. А человек на кровати все так же сидел. И молчал.

– Милиция! – рявкнул Олег. Слово, как выстрел, разорвало тишину и изгнало остатки его собственного страха. Одновременно пальцы нервно заскребли по карману, выдирая удостоверение – единственное оружие, что у него было.

Незнакомец встал, и в сумраке его глаза блеснули холодной, хищной сталью.

– Вы кто? И что здесь делаете? – задал вопрос Олег, на секунду забыв, что дверь, через которую он вошел, была опечатана.

– А вот «вы»... что здесь делаете? – наконец заговорил тот. Голос был ровный, глубокий и абсолютно уверенный. Он сошел со ступеньки подиума, и даже в скудном свете, проникавшем из коридора, стало ясно, что это не просто человек, а гора мышц. Он двигался с обманчивой кошачьей грацией, поворачивая плечо в сторону шага – повадка профессионала.

Тело Олега среагировало раньше разума. Он инстинктивно развернулся вполборота, прикрывая спину стеной и перенося вес на заднюю ногу, готовясь к прыжку.

– Я здесь работаю, – просто ответил он и добавил жестче: – Ваши документы.

– ФСБ. – Гигант шагнул ближе, лениво вынимая из кармана темно-красные корочки.

– Стой на месте! – скомандовал Олег. – Сейчас я включу свет.

Он попятился к двери, где раньше заметил выключатель. Не сводя глаз с незнакомца, он нащупал рукой стену. В тот самый миг, когда его пальцы коснулись пластика, вселенная взорвалась движением. Сначала гигант – он рванулся не на Олега, а в сторону, в тень. А затем и сам Чурсинов – потому что его протянутую руку намертво сжали стальные тиски. Рывок был таким чудовищным, что ноги оторвались от пола, и восемьдесят килограммов его веса, как мешок с тряпьем, полетели в разгромленный кабинет.

Мир взорвался треском ломающегося дерева, когда Олег со всего маха врезался в книжный шкаф, обрушивая последние уцелевшие полки. Игнорируя вспышку боли в спине, он попытался перевернуться, встать на четвереньки, но короткий, безжалостный удар по затылку оборвал эту мысль. Сознание Олега Чурсинова кануло в густую, липкую тьму, а тело мешком осело на пол, усыпанный острыми осколками стекла и дерева...

Он пришел в себя от гулко-го колокольного набата в голове. Первым инстинктивным порывом было вскочить, но что-то – опыт, интуиция, животный страх – заставило его замереть. Не открывая глаз, Олег попытался собрать расколотый мир по звукам. Говорили двое. Их голоса были ватными, неразборчивыми, как будто доносились из-под воды. Последствия короткого, но жесткого нокаута.

Странно. Его не связали. Даже не защелкнули наручники. И главное – не убили. «Пока».

Словно кто-то повернул ручку настройки в его голове: звуки прорезались, обретая резкость.

– Приходит в себя, – услышал Олег спокойный, низкий голос.

– Да брось, еще минут десять в отключке проваляется, – возразил второй, более нервный.

– Ты уж если бьешь, то наверняка.

– А если бы это был один из «них»?

– Если бы это был один из «них», – с ледяным спокойствием ответил первый, – мы бы в любом случае живыми не ушли.

«Какого черта я поперся в эту квартиру, – ледяной змеей скользнула мысль. – Знал же, что это ловушка. Знал!»

– Видал знак? – второй голос понизился до возбужденного шепота. – Тот самый. С его шеи. Эрика говорила, что потеряла его в лесу у церкви.

– Переволокнулась девчонка. Первый раз человека убрала.

– Это был не человек.

Пауза. Тяжелая, как могильная плита.

– С виду похож, – неуверенно пробормотал второй. – А она все-таки новичок...

– Знак нужно немедленно доставить в представительство Ордена.

«Все, мне конец!» – Олег понял, что они выпотрошили его карманы и рассматривают цепочку с созвездием. И разговор идет об убийстве Незваного. А его, Олега, они убьют все равно. На всякий случай. Надо же было так влипнуть. Словно в подтверждение его мыслей, первый голос произнес с абсолютной безапелляционностью:

– Этого придется убирать. Мало ли что он успел понять.

– Но он же никто! Обычный мент...

– Нужно жертвовать малым во имя великой цели.

«Это я, значит, малое... мелочь!» – Ледяная ярость обожгла его изнутри, вытесняя страх. Олег напряг каждый мускул, готовясь к последней, отчаянной схватке. Он услышал, как кто-то приближается, и под ногами этого человека с сухим хрустом ломалось стекло. Железная хватка вцепилась ему в воротник и с унижительной легкостью приподняла над полом.

– Внимание! – вдруг громко, сдавленно зашипел второй.

Сознание вернулось резко, как по щелчку, и первым, что выхватил вернувшийся слух, был тихий скрип балконной двери в спальне.

Хватка на его воротнике напряглась. Верзила, державший Олега, замер, превратившись в натянутую струну. А затем все снова пришло в движение. Нечеловеческая сила потащила Олега вверх – здоровяк инстинктивно выпрямлялся, встречая новую угрозу, и тащил за собой его беспомощное тело.

Олега буквально вздернуло над полом. Он открыл глаза. В дверном проеме спальни, в контрастном свете из коридора, стояло видение – неземное создание, эльфийская дева из забытой сказки.

Больше Олег не думал. Рефлексы взяли верх. Согнув пальцы в жесткую, рубящую «лапу», он вложил в удар весь свой вес и отчаяние. Удар пришелся точно в район сонной артерии верзилы. Вместо крика из его горла вырвался влажный, булькающий хрип, и стальная хватка на воротнике разжалась.

Тут же сухо щелкнул затвор. Выстрелов не последовало – вместо них раздалась серия тихих, шипящих хлопков. Прячась за оседающей тушей гиганта, Олег увидел, что стреляет тот, первый – тот, что сидел на кровати. И стреляет он не в него, а в девушку.

Времени на раздумья не было. Олег успел вбить в обмякшее тело верзилы два коротких, жестоких удара кулаком в пах, прежде чем нырнуть в сторону, в спасительную темноту прихожей. Краем глаза он успел заметить – дверной проем был пуст. Девушка исчезла. Скорее всего, убита. Тот, с «корочками», стрелял профессионально и почти в упор.

Буксуя по скользкому паркету, Олег на четвереньках вылетел к входной двери. Удача! Замок поддался с первого щелчка. Он вывалился на лестничную площадку, и в этот же момент снизу по лестнице взбегал еще один здоровяк. В одной руке пистолет, в другой – нечто совершенно дикое: тонкая, сплетенная сеть.

Олег рванул вверх по лестнице. Здоровяк на миг замер, оценивая, а потом без слов открыл огонь. Пули защелкали по стенам, выбивая из штукатурки белую пыль, которая осыпалась на него, как погребальный прах.

Добежав до верхнего пролета, Олег дернул дверь, ведущую на чердак. Он уже не удивился, когда на ней не оказалось замка.

Он ринулся в абсолютную тьму, и свет за его спиной погас. Череп с глухим треском встретился с вековой балкой. Взвыв от боли, ослепший, он пополз наощупь по заваленному голубиным пометом полу, ориентируясь на единственный спасительный прямоугольник света – слуховое окно. Пули снова забарабанили по дереву, где-то рядом с головой. Щепки и пыль полетели в лицо. Стреляли на звук – резкий переход из света в мрак сделал их слепыми.

Спотыкаясь и рискуя сломать ноги в темноте, Олег все же добрался до окна. Подтянувшись на израненных руках, он вывалил свое тело наружу, в слепящий дневной свет, на раскаленную солнцем крышу. Стрелявший, казалось, только этого и ждал. Новая очередь хлопнула почти в унисон с грохотом железа под ногами Олега. Сначала он ощутил не боль, а оглушающий, сокрушительный удар в спину.словно на полном ходу в тебя врезался поезд. Тело швырнуло вперед, из легких с хрипом вышибло весь воздух. На мгновение мир погас, остался лишь оглушительный звон и слепящая вспышка за закрытыми веками.

– Попал... Сука! – прошипел он сквозь зубы.

Затем позвоночник пронзил раскаленный добела прут. Жгучая, невыносимая боль, от которой темнеет в глазах. По спине стремительно расползалась горячая, липкая волна крови. Ноги мгновенно стали чужими, ватными и подкосились. Он рухнул мешком, не чувствуя удара о металл. В голове мелькнула абсурдная, неуместная мысль о прививках от столбняка, которыми его пичкали на каждой медкомиссии. Может, хоть сейчас пригодятся.

Вскочив на ноги, он побежал. Грохот его шагов по металлической кровле казался оглушительным. Направление было неважно – лишь бы дальше от этого проклятого чердака, лишь бы выжить.

Это была скверная пародия на боевик. Редкий фильм обходится без погони по крышам, где герой-полицейский неумолимо преследует злодея. Только здесь все было шиворот-навыворот: гнались за представителем закона, и он, как затравленный зверь, петлял между кирпичных труб. Бешеный поток адреналина, впрыснутый в кровь, уже иссякал. Силы утекали из него, как воздух из воздушного шарика и каждый шаг давался все тяжелее.

Короткий, отчаянный взгляд через плечо. За ним бежали двое. Два верзилы, неумолимые, как машины. Они не стреляли. «Патроны вышли или решили взять живьем?» – обожгла догадка.

Впереди, как приговор, выросла желтая обшарпанная стена. Крыша стоящего впритык дома была на два метра выше – непреодолимое препятствие для измотанного человека. Олег прыгнул.

Это был прыжок на чистом отчаянии, на последнем остатке адреналина. Пальцы впились в острый край кровли. Рывок. Мышцы предплечий и спины взвыли, грозя разорваться. В глазах потемнело от чудовищного напряжения. Еще на один такой рывок сил бы просто не хватило. Он рухнул на живот, упершись ладонями в раскаленное железо, и замер, превратившись в слух.

Грохот бегущих ног приблизился. Олег ждал скрежета или возни, но один из преследователей, словно презрев законы гравитации, взлетел на крышу с нечеловеческой легкостью. У Чурсинова внутри все похолодело – он недооценил их, и эта ошибка едва не стоила ему жизни.

Времени не было. Взрывным движением Олег подбросил тело на руках, подогнул ноги и, оттолкнувшись, впечатал обе ступни в колени гиганта, уже поднимавшегося во весь рост. Раздался сухой треск. Верзила сдавленно взревел и, теряя равновесие, начал валиться прямо на Олега. Но тот уже откатился в сторону и, как пружина, рванул прочь с низкого старта.

Беглый взгляд назад. Второй преследователь неуклюже карабкался на стену. Первый, скорчившись, уже поднимался на ноги и тянул руку, помогая сообщнику.

«Где тут спуск?! Где?!» – мысль билась в голове, как пойманная птица. Легкие горели, ноги налились свинцом. Преследователи растянулись – тот, покалеченный, заметно отстал. Но второй, целый, медленно, но верно настигал его, и от его неотвратимого бега по спине Олега помимо красной жидкости, снова пробежал ледяной озноб.

Воздух с хриплым свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. Ноги уже не слушались. Олег сделал еще два судорожных шага, и его голень нашла туго натянутую проволоку антенной растяжки.

Мир перевернулся. С оглушительным грохотом он плашмя рухнул на железную кровлю. Удар выбил воздух из легких и встряхнул внутренности. На мгновение Олегу показалось, что под ним треснули не только доски, но и его собственные ребра. Превозмогая огненную вспышку боли, он перевернулся на спину и, опираясь на локти, посмотрел на приближающуюся фигуру.

«Все... Конец», – пронеслось в голове. Со звериным рыком, который вырвался из его собственной глотки и удивил его самого, Олег качнулся вперед и встал на дрожащие ноги. Готовый умереть. Готовый драться.

И в этот момент из-за широкой кирпичной трубы, словно тень, отделившаяся от кладки, шагнула тонкая фигура в сером спортивном костюме и встала на пути его преследователя. Огненно-рыжие волосы до плеч разметал ветер, и они вились вокруг головы, как бледные змеи мифической Горгоны. Контраст был абсурден: гора мышц, несущаяся напролом, и это хрупкое, почти невесомое препятствие. Казалось, верзила просто не заметит ее, сметет, как ураган сносит картонную стену.

Но дальше произошло нечто, что разум Олега отказался принимать. Гигант на полном ходу врезался в неподвижную фигуру... и просто «рассыпался».

Девушка не сдвинулась ни на сантиметр. А двухметровый верзила рухнул к ее ногам сломанной куклой и затих.

Олег так и застыл, согнувшись в нелепой позе, с отвисшей челюстью. Фигура медленно развернулась.

– Господи... – выдохнул Олег, узнавая ее. – Та самая. Из квартиры.

И тут же, разрывая оглушенную тишину, грохнули два выстрела. Настоящих, без глушителя. Громких и окончательных. Два багровых цветка мгновенно распустились на серой ткани ее костюма, в районе груди. Лицо девушки, и без того бледное, стало мертвенно-белым, но она даже не пошатнулась. Только медленно развернулась обратно.

За ее спиной Олег увидел второго преследователя. Хромая, он подбирался к ним, все еще держа пистолет на вытянутой руке. Но его угроза иссякла. Затворная рама застыла в заднем положении, оголяя пустой патронник. Патроны кончились.

Но хромой не спешил. Он осторожно держал дистанцию, его взгляд метался от неподвижной девушки к сломанному телу сообщника. Это был безмолвный поединок воли и страха.

Девушка стояла, как изваяние. Олег увидел, как к двум багровым пятнам на груди добавились еще два – на спине и на левом бедре. Они медленно расползались, пропитывая серую ткань. И вот ее статуическая неподвижность дала сбой – она качнулась.

Этот едва заметный сбой равновесия стал сигналом. Стрелявший увидел слабость и двинулся вперед, вытаскивая из-за пояса широкий нож. В тот же момент Олег, нащупав рукой шершавый край кирпича, беззвучно рванул с места.

Пробегая мимо хрупкой на вид спасительницы, он бережно, почти боясь причинить ей вред, оттолкнул ее в сторону. На его удивление, она поддалась, как тростинка, и, качнувшись еще раз, мягко опустилась на металл крыши. Олег, не целясь, вложил в бросок всю оставшуюся злость.

Удача или отчаяние, но кирпич, пролетев пару метров, впечатался противнику прямо в лоб. Он разлетелся красной пылью, смешавшейся с кровью, но верзила лишь яростно мотнул головой, словно отгоняя назойливую муху. Олег был уже рядом.

Противник нанес грубый, презрительный тычок ножом – то ли от сотрясения, то ли просто не воспринимая измотанного Олега как угрозу. Никаких блоков, никаких захватов – на это не было ни сил, ни шансов. Олег ушел с линии атаки, прокрутившись вдоль вытянутой руки врага, и оказался у него за спиной.

Это был не прием из учебника. Это был звериный инстинкт. Пропустив руку сзади между ног гиганта, Олег сграбастал его мужское достоинство в мертвую хватку. Одновременный, дикий рывок на себя и вверх заставил верзилу взвиться на носки, и в этот же миг Олег впечатал плечо ему в спину, окончательно выбивая опору.

Нечеловеческий, полный боли и унижения вой разорвал воздух. Гигант рухнул на живот, и крыша содрогнулась от его падения.

Олег схватил самый большой осколок кирпича. Ярость, холодная и первобытная, затопила его. Не помня себя, он обрушивал удар за ударом на бритый затылок поверженного врага, вкладывая в каждый взмах всю свою боль и оставшуюся силу. Глухой, мокрый стук эхом отдавался от крыши. Он остановился, лишь когда тело под ним окончательно обмякло, превратившись в безвольную массу.

Он поднялся. Боевое испугление испарилось так же внезапно, как и нахлынуло. Олега забила мелкая, унижительная дрожь. Окровавленный осколок выскользнул из онемевших пальцев. Голова и спина взорвались болью. Беглый взгляд по полю боя: два неподвижных тела. Он заковылял к ней.

Девушка лежала на боку. Олег опустился на колени. Влажные изумрудные глаза не мигая смотрели прямо в него – без страха, без упрека, просто смотрели. Сознание обожгла догадка: сестра Незваного. Описание сходилось до мельчайших деталей. Он осторожно коснулся ее щеки – ледяная. На мгновение он подумал, что она умерла, но заметил, как ее грудь судорожно вздымается, рывками забирая воздух.

И тут по крыше загрохотали шаги множества ног.

Олег просунул руки под ее спину и колени, поднимая. Он подхватил это тело, на удивление невесомое для той, что смогла остановить таран из мускулов и костей, и ринулся к ржавым дугам пожарной лестницы. Заглянул вниз – пусто. Началась неуклюжая возня: он пытался пристроить ее на руках так, чтобы спускаться было безопасно, но ничего не получалось. Медлить было нельзя.

И тут она сама, мягким, но удивительно сильным движением, обвила его шею руками. Уткнулась лицом в плечо, и он услышал ее прерывистое, тихое дыхание.

Внезапно боль, усталость – все отошло на второй план. Олег начал спуск. Одна рука придерживала ее за талию, другая – железной хваткой цеплялась за холодный металл, четко фиксируя каждую скользкую перекладину. Коснувшись земли, он перехватил ее удобнее и, не оглядываясь, нырнул в спасительную тень арки.

– Стой... – голос был едва слышен, почти как шепот ветра. – Моя машина...

Взгляд Олега упёрся в единственный автомобиль, втиснутый в узкий проходной двор. Он стоял так, что полностью перегораживал выезд из-под арки. Брутальный «Ленд Ровер Дефендер» цвета хаки – крепость на колесах.

– Ключи... в кармане, – прошептала она, и слова, казалось, прозвучали не извне, а родились прямо у него в сознании.

Неуклюже извернувшись, чтобы не причинить ей лишней боли, Олег нащупал молнию на её спортивной куртке и расстегнул карман. В его ладонь упал брелок сигнализации и несколько ключей. Один, с характерным овалом «Ленд Ровера», был от замка зажигания. Он нажал кнопку. Внедорожник отозвался тихим щелчком и коротко моргнул габаритами – спасительный сигнал в тесном колодце двора.

Тяжелая задняя дверь открылась с солидным щелчком. Он попытался уложить её на сиденье с максимальной осторожностью, но спешка и неудобство превратили это в мучительную борьбу. Она не издала ни стона.

Сам он рухнул на водительское кресло. Спина взорвалась острой болью при соприкосновении со спинкой. Немного подавшись вперед, стиснув зубы, Олег вставил ключ в замок зажигания. Поворот – и турбодизель проснулся с низким, утробным рыком, растревоженный педалью газа.

Внедорожник осторожно выполз из-под арки. Оказавшись на узкой, заставленной с двух сторон улочке, Олег вдавил педаль в пол. Уже вписываясь в поворот на более оживленную улицу, он мельком увидел в зеркале заднего вида, как из того самого двора вырвались три фигуры. Они замерли на мгновение, растерянно оглядываясь.

Больница. Срочно нужна больница. Но куда ехать? В голове была звенящая пустота. Он совершенно не ориентировался в этом лабиринте улиц за рулём автомобиля – его миром были электрички и метро, а не городские проспекты.

Он вел машину как автомат, превратившись в придаток руля. Его собственный мир – мир расписаний, документов и телефонов – был стерт, и он целиком зависел от ниточки голоса, доносившегося сзади. Каждый поворот, каждое перестроение было продиктовано этим едва слышным шепотом. Он мельком бросил взгляд в зеркало заднего вида: её глаза были полуприкрыты, дыхание – рваным, прерывистым.

– Остановись... – Команда прозвучала как щелчок хлыста, выдернув его из транса. – Стой. Нам сюда.

Олег резко повернул голову, инстинктивно вдавил в пол тормоз. Машина встала у бордюра.

– И куда теперь? Тебе нужен врач! Ты же... – он осекся, разворачиваясь к ней. Кровь пропитала сиденье.

Девушка открыла глаза, и в её изумрудном взгляде не было ни боли, ни паники – лишь ледяное спокойствие.

– Во двор. Прямо. Код... 251. Ключ под ковриком. У тебя под ногами. – Голос был таким слабым, что слова почти тонули в тишине салона. – Врача. Не. Вызывай.

– Конечно, не буду! – зло выплюнул он, пытаясь сарказмом заглушить подступающее отчаяние. – Сейчас нас встретит подпольный хирург, который в своей тайной квартире латает мафиози за кровавые бриллианты.

Он сорвал с пола резиновый коврик. Под ним лежал одинокий ключ. Заглушив двигатель, Олег неуклюже извлек её из машины. Но едва её ноги коснулись асфальта, она отстранилась, пытаясь идти сама. Этот порыв угас через шаг. Олег подхватил её, обняв за талию. Так они и пошли, шатаясь – гротескная пародия на героев боевика, забрызганных не бутафорской, а настоящей, липкой кровью. Редкие прохожие скользили по ним взглядами и тут же надевали маски безразличия, отворачиваясь. Никто не хотел быть свидетелем. Лифт. Четвертый этаж. Олег вставил ключ в замочную скважину двери, на которую указала эта девушка – девушка, что сначала спасла его, а теперь умирала у него на руках.

Дверь заперта. Щелчок замка утонул в полумраке прихожей, отрезая их от внешнего мира. Олег почти нес ее на себе, ощущая, как его собственная боль смешивается с ее ледяной неподвижностью. Он двинулся на свет, проникавший из открытой двери справа, и оказался в комнате, где нелепым пятном выделялся полосатый диван перед огромным, черным экраном телевизора. Он осторожно уложил на него девушку, аккуратно повернув на бок.

– Наверное, нужен врач, – пробормотал он, но мысль в голове кричала: «Врач! Немедленно! Прямо сейчас!» Он совершенно не представлял, что делать. Это были огнестрельные ранения. Люди от такого умирают.

– В шкафу... на кухне... аптечка... – донесся хриплый шепот. Было видно, как жизнь утекает из нее. Ее красивое лицо стало похоже на меловую маску, с которой стерли все краски.

– Какая к черту аптечка! – его голос сорвался на крик, ударившись о стены. – Где телефон?!

– Я тебя прошу... Пожалуйста... – в изумрудах ее глаз на мгновение полыхнул прежний, нечеловеческий огонь.

– Тьфу ты! – в сердцах сплюнул Олег. – Да ты же умрешь...

Он ринулся на кухню. Метнулся к верхнему шкафу, сорвал с полки аптечку и вернулся. Окровавленная спортивная куртка уже валялась на полу бесформенной грудой. Девушка полулежала на диване, судорожно пытаясь стянуть с себя футболку.

Олег осторожно, почти трепетно, помог ей. Под тонкой тканью не было ничего, кроме хрупкого тела и маленькой, заострившейся от холода и боли груди. И ран. Справа, под самой ключицей, темнело рваное отверстие – пуля прошла навывлет, со спины. На боку зияла такая же рана. Ужасающе просто. Кровь, густая и темная, тонкими струйками сочилась при каждом ее вздохе. Он осторожно потрогал ключицу – вроде бы цела. А дальше? Что там ему, известно про огнестрельные ранения?

Он выпотрошил содержимое аптечки на пол. Перекись, бинт, йод. Насмешка. Мозг отчаянно искал в голове знания полученные им на занятиях по первой медицинской помощи но находил лишь рваны ключья из названий и глухого голоса инструктора. Первое правило: останови кровотечение. Но чем? Где гемостатик? Где пластырь специальный для ран на груди? Его взгляд оценил повреждения. Сквозное на боку, сквозное на бедре – неприятно, но терпимо. А вот дыра под ключицей, уходящая в спину, – это уже игра со смертью.

Он отбросил мысли о бесполезном йоде. Инфекция – проблема завтрашнего дня, если оно наступит. Сейчас была только кровь. Он вскрыл несколько упаковок марлевых салфеток, смочил одну перекисью и быстро, почти механически, протер кожу «вокруг» входного отверстия у ключицы.

– Сейчас будет больно. Терпи, – бросил он, скорее для себя, чем для нее.

Он сложил оставшиеся салфетки в плотный, толстый тампон и с силой вдавил его в рану. Девушка никак не отреагировала. Её дыхание стало ещё более поверхностным, почти незаметным.

Хорошо это или невыносимо плохо? Он не знал. Отсутствие реакции могло означать, что она в глубоком шоке и не чувствует боли. Или что она уже на грани, угасает прямо под его руками. Его собственные руки задрожали, покрывшись липким потом. Он до ужаса боялся

давить пропитанный кровью и антисептиком тампон глубже в рану. Чувствовать под пальцами, как поддается живая плоть, было пыткой.

Хватит? Нужно ли еще? Не сделаю ли я хуже?

Эти лихорадочные, рваные мысли метались в сознании, становясь странным, спасительным обезболивающим. Они вытесняли всё, даже жгучий огонь, расползавшийся по его собственной спине от пулевого ранения. Адреналин и страх за неё были единственным, что держало его на ногах и не давало провалиться в бездну собственной боли.

Теперь – давление. Он схватил рулон бинта. Это была не неуклюжая попытка обмотать, а целенаправленное создание давящей повязки. Он сделал несколько тугих витков вокруг ее плеча и груди, чтобы зафиксировать тампон, затем, используя весь свой вес, натянул остаток бинта, превращая его в подобие жгута, прижимающего марлю к телу. Он знал, что это варварский метод, но другого не было. Закончив, он закрепил конец рваными полосками пластыря. Он повторил процедуру с раной на боку, действуя уже быстрее, почти на автомате. Руки по локоть в крови, лоб мокрый от напряжения, но паники не было. Была лишь холодная, звенящая ярость на собственное бессилие и сжатые до скрежета зубы. Когда все было закончено, Олег отступил. Две белые, туго натянутые конструкции на ее теле уже начали темнеть изнутри, пропитываясь кровью. Он не остановил кровотечение. Он лишь замедлил его, купил им несколько минут, может быть, час. Он посмотрел на ее лицо – бледное, безмятежное, словно маска из слоновой кости. Он сделал все что мог, насколько это было возможно. Но вид повязок говорил ему, что без настоящего хирурга и запасов крови он потерпел полное поражение. Это была не капитуляция. Это была отсрочка казни.

Внезапно она открыла глаза. Они странно округлились, и прежний изумрудный цвет сменился фантастической, фосфоресцирующей смесью оттенков, которых Олег никогда не видел. Это было неправильно. Не по-человечески.

– Тубу... из-под аспирина, – прошелестел ее голос, твердый, несмотря на слабость.

Механически, подчиняясь приказу, Олег протянул ей упаковку «Аспирин-Упса». Она рывком поднесла тубу ко рту и вытряхнула содержимое прямо на язык.

– Укол, – простонала она, откидываясь на подушку. – Оранжевый футляр. Быстро.

Олег порывлся в разбросанном содержимом аптечки и выудил ярко-оранжевый пластиковый футляр без единой маркировки. Внутри, на черном бархатном ложементе, покоились три шприца и три маленькие ампулы: белая, синяя, зеленая. Профессиональный, но чуждый набор.

– Тут три ампулы! – крикнул он, видя, как ее взгляд теряет фокус.

– Все... по очереди... – ее голос превратился в едва слышный хрип. – Белая... с-синяя...

Она замолчала. Олег склонился ниже.

– В вену... – донеслось последнее слово, и она отключилась.

Он схватил белую ампулу, с хрустом отломил кончик и втянул прозрачную жидкость в шприц.

– Черт! Где у тебя вены, твою мать! – взвыл он вполголоса, осматривая ее тонкую, испачканную кровью руку.

Он отложил шприц, перетянул ее предплечье остатками бинта, превратив его в импровизированный жгут. Его движения были отработанными, заученными, но грубыми от спешки. Он похлопал по сгибу локтя, заставляя кровь прилить к сосудам. Под бледной кожей едва проступила тонкая синеватая нить.

Ткнул иглой – мимо.

– Да не умею я! – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Вторая попытка. Он замер, задержал дыхание, и на этот раз сталь нашла свою цель. Крошечный алый цветок распустился в основании шприца, подтверждая попадание. Он плавно нажал на поршень.

Едва последняя капля вошла в вену, судорога, сотрясавшая ее тело, прекратилась. Дыхание, рваное и поверхностное, вдруг стало ровным и почти беззвучным. Олег выдернул иглу, прижал к проколу ватку и откинулся назад, вытирая пот со лба дрожащей рукой. Он убрал пустую ампулу и шприц. Один из трех. Повторил. Потом еще только уже во вторую руку. Белая, синяя, зеленая! Всё!

– Кто она такая? – Острая боль пронзила висок, заставляя Олега зажмуриться. Адреналин отступал, уступая место гулкому, ноющему эху.

Закончив с ранами на торсе, он без церемоний, но аккуратно стянул с нее спортивные брюки. Девушка не шелохнулась. К его облегчению, рана на бедре выглядела чистой – пуля прошла навывлет, не задев кость. Он привычно наложил давящую повязку, и его рука, перепачканная кровью, на мгновение, предательски замерла на безупречной линии ее бедра.

Потом он встал и распрямился. Он окинул себя взглядом. С ног до головы в чужой и своей крови. Зеркало бы показало ему не спасителя, а мясника, только что закончившего свою грязную работу с прекрасной жертвой. Она лежала почти обнаженная – лишь тонкие ниточки и треугольник черной ткани на бедрах отделяли ее от полной наготы. Тело было гибким, изящным, словно выточенным из слоновой кости. При всей своей тонкости ни одна косточка не проступала под упругой, матовой кожей – лишь плавные линии и мягкие изгибы, на которых взгляд невольно задерживался дольше, чем следовало.

Странная, неуместная мысль обожгла его уставший мозг. Олег вспомнил, кого она ему мимолетно напоминает – Тильду Суинтон лет в двадцать пять. Ту он, конечно, не имел чести лицезреть в столь пикантном виде, но сходство было очевидным.

Овальное лицо с мягкими скулами и деликатным подбородком. Кожа бледная, почти фарфоровая, без единого изъяна. Тонкие брови изогнуты в немом вопросе, придавая ей задумчивый вид, а длинные ресницы отбрасывали едва заметные тени на щеки. Прямой, аккуратный нос. Губы тонкие, но четко очерченные, с небольшим изгибом – словно намек на легкую иронию или тайну, которую она не собиралась раскрывать. Аристократичная, нежная, недоступная.

Волосы – огненно-рыжие, с медным отливом – рассыпались по подушке свободными прядями, создавая впечатление легкой растрепанности, словно она только что сняла шлем. Густые, волнистые, непослушные – они контрастировали с бледностью кожи, добавляя образу яркости и чего-то дикого, необузданного. Хрупкое, почти невесомое телосложение. Узкие плечи, тонкие запястья, изящные лодыжки. Неявно выраженная талия плавно переходила в бедра, и взгляд Олега, помимо его воли, скользнул по этим линиям, задержавшись на мгновение там, где начиналась черная ткань. Она была из тех женщин, что кажутся меньше и беззащитнее, чем есть на самом деле, – и от этого почему-то перехватывало дыхание.

«Хватит пялиться», – рыкнул он на самого себя и, кряхтя, направился в ванную, скидывая пропитанную кровью куртку прямо на пол.

Через минуту он вернулся с тазом теплой воды и стопкой чистых полотенец. Сначала это была просто работа – методично, квадратами, стирать подсохшую кровь с бархатистой кожи. Но когда его рука скользнула по гладкому изгибу ее талии, стирая багровые разводы над маленьким кусочком черной ткани, процедура из медицинской превратилась в невыносимо интимную. Он почувствовал, как в горле пересохло.

«Ты уже вообще Чурсинов? Она же умирает!» Одернул он сам себя. Одновременно припоминая, когда он вот так близко видел практически голую девушку. Это было о—о—очень давно!

– Вот... почти в порядке, – сглотнув, прохрипел он и резко отвел взгляд.

Он вытащил из комода мягкий плед и поспешно накрыл ее. Это был жест не только заботы, но и самозащиты. Потом подложил под голову маленькую подушку.

Теперь была его очередь. Запекшаяся кровь превратила свитер в жесткую корку, приклеив его к спине. Олег стиснул зубы и рывком содрал ткань вместе с футболкой, глухо взыв от боли. В потемневшем зеркале в прихожей отразилась его спина – длинный, багровый желоб, оставленный пулей, которая чиркнула по коже. Рваные края, сочащаяся сукровица. Он знал: самостоятельно обработать и перевязать такую рану невозможно. Это не царапина, которую можно залить йодом.

В памяти всплыл издевательский образ из боевика: герой, наштигованный свинцом, мужественно стоит под струями душа. Олег мысленно сплюнул. В реальности это означало бы болевой шок и риск занести в открытую рану любую дрянь из водопровода. Его рана – всего лишь помеха. Ее раны – смертный приговор. Приоритеты были расставлены. Он ограничился тем, что вошел в ванную и сунул руки под кран. Теплая вода смывала чужую кровь, окрашиваясь в бурый цвет и закручиваясь в маленький красный водоворот у сточного отверстия. Он смотрел на это, ничего не чувствуя. Просто вода. Просто кровь. Через пять минут он вышел. Девушка спала. Не тревожный обморок, а именно спала – ее дыхание было ровным, а поза под пледом казалась расслабленной. Эффект от ампул был почти пугающим.

Его взгляд упал на раскрытую на полу аптечку. Голова раскалывалась. Он нагнулся, перебирая жалкие остатки. И наткнулся на упаковку цитрамона. Обычный, дешевый цитрамон. Насмешка судьбы.

«Цитрамон от пули? – усмехнулся он про себя. – Почему бы и нет».

Он вытряхнул две таблетки в ладонь и, захватив аптечку, направился на кухню. Бросил ее на стол, налил полную кружку воды прямо из-под крана. Запрокинул голову, отправил таблетки в горло и запил их тепловатой, неприятно пахнущей хлоркой городской водой. Хоть что-то.

Его взгляд зацепился за ту самую пластмассовую тубу из-под аспирина, сиротливо лежавшую у стола. Машинально он поднял ее, открыл и вытряхнул на ладонь единственную оставшуюся таблетку. Она была точной копией шипучего аспирина, вот только цвет... Ртутно-серебряный, он словно переливался собственным внутренним светом. Олег поднес ее к лицу. Запаха не было. Он коснулся ее кончиком языка. Пустой, холодный вкус металла. Аккуратно завернув странный трофей в салфетку, он сунул его в карман джинсов.

«Если выживет – можно будет испытать», – мелькнула в голове холодная, циничная мысль, от которой он криво усмехнулся. – «Кажется, впереди много интересного».

Беглый осмотр аптечки подтвердил его догадку: оранжевого футляра с ампулами не было. Те три дозы были единственными. И последними.

День за окном еще не погас, но на Олега обрушилась свинцовая усталость. Он набрёл на небольшую, на удивление уютную спальню в конце коридора. Не раздеваясь, он просто рухнул на кровать лицом вниз. Нагрузка на мозг и тело в это «чудесное» утро была такой запредельной, что он не успел даже подумать. Сознание просто отключилось, провалившись в вязкую, беспокойную черноту без сновидений.

Олега выдержало из небытия, когда за окнами стояла густая, непроницаемая ночь. Он поднес к лицу светящийся циферблат «Ориента» – половина третьего. Он медленно сел. Голова ощущалась чугунным ядром, но той раскалывающей боли больше не было. Цитрамон, как ни странно, сработал. Щелкнув настенным светильником в комнате, где осталась девушка, он на негнущихся ногах подошел к дивану. Она лежала в той же позе, подложив руки под голову. Воздух в комнате казался густым. Его сковал внезапный, ледяной страх, что он спал, пока она умирала. Он протянул руку и коснулся ее шеи.

Кожа горела. И под его пальцами, сильный и ровный, бился ее пульс.

– Фух... Живая, – выдохнул Олег, и этот звук был громче, чем он ожидал. Он почувствовал, как по спине скатилась капля холодного пота. Рана свербила болью.

Он прошел на кухню. Пустой холодильник, источавший лишь холод и запах пластика. На полках – одинокий пакет гречки и банка кофе. Это было не жилище, а перевалочный пункт. Поставив чайник на плиту, Олег тяжело опустился на табуретку, обхватив голову руками.

И что дальше?

Оставить ее тут и, забыв все происшедшее, вернуться домой? Это можно сделать, но забудут ли его те люди, которые выпустили по нему ящик пуль, не моргнув глазом? Удостоверение, телефон отсутствовали. Видимо, они вытащили их вместе с цепочкой Незваного. Если его захотят убить, то вычислят в два счета.

Пойти в милицию? В ФСБ? Он усмехнулся. Он сам был милиционером, и именно поэтому знал, как это будет выглядеть. Что он скажет? «Я незаконно проник в опечатанную квартиру, где меня избили двое громил. Потом меня спасла девушка-супергерой, которая ловит пули, как мячики. Ах да, еще я вколол ей неизвестный препарат из набора доктора Франкенштейна». Бред сумасшедшего. Путевка в дурдом или в камеру.

Природная осторожность, отточенная годами, кричала: «Беги!». Но профессиональное любопытство, въевшееся под кожу, шептало другое. Ему нужны были ответы. И ответы могла дать только она. Грамарина Наталья. В том, что в соседней комнате лежит именно она, сомнений уже не оставалось. Риск? Куда уж серьезней! Они уже ищут его. Промедление – это не риск, это отсроченная гарантия пули в затылок в темном подъезде. Он вдруг понял, что уже не просто на краю пропасти. Он уже в капкане. И единственный способ выбраться – понять, как он в него угодил. Поэтому он дождется ее пробуждения. А дальше – по обстоятельствам. Роль загоняемого зверя его категорически не устраивала.

Оглушительный, пронзительный свист чайника разорвал тишину. Олег вздрогнул, его рука инстинктивно метнулась к поясу за пистолетом, которого там не было. Пустота на месте кобуры отозвалась ледяным холодком в животе. Он, весь в своих черных думах, совершенно забыл про чайник.

Кофе показалось чрезмерно пережаренным, но кофеин сделал свое дело, прогоняя остатки сонной тяжести. Сидеть и ждать было худшей пыткой. Олег встал. Раз уж он в этом болоте, то должен знать, насколько оно глубокое. Квартира была его единственным источником информации. Он начал методично, как на месте преступления. Первым делом – одежда, которую он с нее снял. Спортивные брюки, футболка. Он аккуратно прощупал все швы и карманы. Пусто. И все же в крошечном, почти незаметном внутреннем кармашке у пояса, зашитом одной ниткой, его пальцы наткнулись на нечто твердое и продолговатое. Он подцепил нитку ногтем, надорвал ткань. На ладонь выпал небольшой пластиковый брелок без единого опознавательного знака. Колпачок снялся с легким щелчком. Под ним скрывался металлический штекер. Что это? Повертел в руках и положил обратно в карман.

Дальше – комната, где она спала. Квартира была стерильно чистой, безликой. Ни фотографий, ни книг, ни сувениров. Профессионально подготовленное убежище. Он проверил под диваном, за шкафом – только пыль и пустота. В комод, откуда он брал плед, лежало несколько комплектов безликого постельного белья в заводской упаковке.

Его внимание привлек ноутбук на журнальном столике. Массивный, с потертыми углами, но безошибочно породистый – Toshiba Satellite. Олег мысленно присвистнул. В начале двухтысячных такая машина стояла как его пять милицейских зарплат, если не больше. Целое состояние, небрежно брошенное посреди безликой конспиративной квартиры. Этот контраст между спартанской обстановкой и баснословно дорогой техникой говорил о многом. Он поднял тяжелую крышку. Загорелся экран, система запросила пароль. После первой же попытки ввода комбинации «12345», жесткий диск внутри тревожно застрекотал, и на экране появилась лаконичная надпись на английском: «Data Erased. Formatting drive C:\»

. Олег с ругательством захлопнул крышку. Тфу ты! – в сердцах плюнул он прямо на крышку дорогого портативного компьютера.

Кухня. Он уже знал, что в холодильнике пусто. Но теперь он открыл морозильную камеру. За окаменевшим пакетом с пельменями лежал герметично запаянный пакет. Внутри – аккуратная пачка стодолларовых купюр. Не огромная сумма, но достаточная, чтобы исчезнуть на пару, тройку месяцев.

Последним пунктом была ванная. Он уже был там, но теперь осматривал ее с другой целью. За плоским зеркалом – стандартный тайник. Он подцепил край зеркала. Оно отошло, открывая неглубокую нишу в стене. Сначала показалось, что там пусто. Но проведя пальцами по задней стенке, он нащупал приклеенный скотчем тонкий пластиковый конверт. Внутри было не то, что он ожидал. Не паспорт. Служебное удостоверение, «корочка», на имя Грамариной Натальи. Фотография не оставляла сомнений. Должность: «Научный сотрудник, НИИ Прикладной Биомеханики».

И под этим удостоверением, как зловещее послесловие, лежала одна-единственная, последняя ампула. Синяя. Точно такая же, как из оранжевого футляра. Полная. Олег воровато озираясь по сторонам взял маленькую запаянную колбочку и спрятал в карман. Все остальное положил на место и закрыл тайник.

Ни этим утром, ни на следующий день она не очнулась. Ее дыхание оставалось ровным, почти механическим, а на губах застыла странная, безмятежная полуулыбка, которая в этом мертвом доме выглядела жутко. Она не спала – она находилась где-то там, за гранью, куда его не пускали. Голод перестал быть просто ощущением. Он стал физической болью, тупым, ноющим спазмом в пустом желудке. Выйти из квартиры было равносильно самоубийству – без денег и с маячащей за спиной тенью тех, кто не промахивается. По телевизору – оглушительная тишина. Ни единого упоминания о стрельбе в центре города, словно ничего и не было. Словно его, Олега, и всю эту историю просто стерли ластиком. Он старался обмануть организм, проваливаясь в тяжелый, вязкий сон без сновидений. Следующие четверо суток превратились в калейдоскоп рваных, повторяющихся кадров. Время перестало быть единым целым, оно рассыпалось на острые, несвязанные осколки. Вот он, как лунатик, ходит по кухне, снова и снова открывая пустые дверцы шкафов. Вот сидит на полу у дивана, наблюдая за неподвижным телом. Вот лежит в немыслимой позе перед телевизором, впитывая бессмысленное мерцание экрана, пока оно не въедается под веки. На пятое утро он вынырнул из липкого, тяжелого забытья около девяти. Голова раскалывалась, будто в затылок вбили гвоздь. Он прошаркал в туалет и, упершись лбом в холодный кафель, долго стоял над унитазом, борясь с тошнотой. Водой он пытался обмануть бунт в собственном теле. Острые спазмы первых дней сменились тупой, всепоглощающей апатией. Он прошел на кухню, совершил привычный ритуал с чайником, а затем заперся в ванной. Вторая, нетронутая зубная щетка в упаковке казалась артефактом из другой жизни. Бриться было нечем. Ненавистная щетина, колючая и чужая, покрывала подбородок и щеки, напоминая, что он больше не принадлежит себе. Ополоснув лицо ледяной водой, он, по пояс раздетый, по привычке направился в комнату – проверить ее.

Она лежала на животе, разметавшись во сне. Одежда сбилось и валялось на полу. С отеческой заботливостью, которая его самого удивила, Олег покачал головой, поднял его и уже собирался укрыть ее. Его пальцы, уже опуская одеяло, мимоходом скользнули по ее коже.

Она была ледяной!

Он уже ничему не удивлялся. Дышит, значит живая. Олег пожал плечами и пошел на призыв чайника, который разрывал воздух пронзительным свистом.

– Лю-бо, братцы, лю-бо... – бормотал он себе под нос, пытаясь собрать в кучу слова старой казачьей песни, которую, как говорили, любил еще Батяка Махно. Голод и усталость путали мысли, и текст рассыпался. – Любо, братцы, жи-ить... С нашим атама...

Он осекся на полуслове. Это было не просто ощущение. Это был внезапный холодок, поползший по спине. Ледяное дыхание затылком. Воздух в квартире стусился, стал тяжелым. Он замер, а потом медленно обернулся, все еще сжимая в руке бурлящий, плюющийся

паром чайник. На пороге кухни стояла она. Волосы, спутанные касались плеч, обрамляя бледное лицо. Закутанная в одеяло, как в кокон, из которого только что выбралась, она казалась хрупкой и нереальной. Но это была не полумертвая девушка, которую он пять дней назад притащил сюда, истекающую кровью. Это было невозможно. С такими ранениями она не должна была стоять на ногах. Она не должна была жить.

Но она жила. И ясные, живые изумруды ее глаз смотрели на него – не сонно, не затуманено, а с пугающей, осмысленной ясностью. Весь его самоконтроль, вся его милицейская выдержка испарились в один миг. Он, смотревший в лицо смерти, выстоявший под пулями, превратился в мальчишку.

– Ч-ч-чаю? – выдавил он из себя, заикаясь. Дыхание перехватило. В нелепом, идиотском жесте он протянул в ее сторону раскаленный чайник.

– Кофе, – ее голос прозвучал, как шелест сухих листьев, но это был приказ. Дверь захлопнулась. Через мгновение из-за нее донесся ровный шум воды.

Олег медленно, словно во сне, опустился на табурет. «О-бал-деть...» – выдохнул он в пустоту. «Кофе». Простое слово, которое только что перевернуло все законы природы. Он поставил чайник на конфорку, и его руки слегка дрожали.

Он достал две странные, но приятные на вид чашки: бежевые снаружи, но с внезапной, иссиня-черной глубиной внутри. Замер с ложкой растворимого кофе над ее чашкой. «Можно ли ей? Не вредно после такого?» Секундное колебание – и он опрокинул гранулы внутрь. Потом, решив, что слабый кофе – это издевательство, добавил еще полторы. Себе насыпал столько же, мысленно готовясь к бунту в изголодавшемся желудке. Прошло минут сорок. Целая вечность, наполненная лишь монотонным шумом душа и стуком его собственного сердца. Вода в чайнике давно остыла. Олег машинально вылил ее, набрал свежей и снова поставил на огонь. Пламя начало облизывать дно, когда дверь ванной наконец распахнулась. Из облака пара в комнату беззвучно проплыло нечто, закутанное в клетчатое одеяло.

Он разлил кипяток. В чашках закружились темные вихри. Через минуту она вернулась – переодевшись в белый махровый халат, какой бывает в гостиницах, – и села напротив. Халат был ей велик и делал ее еще более хрупкой и потерянной. Мокрые волосы огненными прядями-сосульками прилипли к щекам и шее.

Он молча пододвинул ей чашку.

И тогда из безразмерного, почти монашеского рукава выскользнула тонкая кисть. Изящные пальцы с безупречным, нездешним французским маникюром обхватили горячий фарфор. Этот маникюр на фоне всего пережитого, на фоне смерти и воскрешения, выглядел самой невероятной, самой абсурдной деталью.

«Как он уцелел?» – пронеслось в голове у Олега, когда он смотрел на ее безупречные ногти. Этот маникюр на фоне их кровавого приключения на пыльной крыше казался деталью из другого, невозможного мира. И только тут он, словно ошпаренный, осознал, что сидит перед ней по пояс голый, с трехдневной щетиной и следами усталости на лице. Ему стало невыносимо неловко.

– Я, это... – он неопределенно ткнул пальцем в сторону комнаты, – сейчас.

Вскочив, он прошлепал босыми ногами по холодному линолеуму. В комнате схватил с тумбочки свою выстиранную футболку с классическим «приветом из девяностых» – воющим на луну волком. Натягивая ее, он поморщился: тупой, ноющий гвоздь в спине напомнил о ранении. Вернувшись на кухню, он снова сел за стол, чувствуя себя чуть более защищенным.

– Как самочувствие? – его голос прозвучал на удивление ровно.

– Очень хорошо, – ответила она, спокойно отхлебывая черный напиток. Это «очень хорошо» было сказано так, будто она вернулась с утренней пробежки, а не с того света.

– Вы, я так понимаю, Грамарина Наталья?

Она оторвала взгляд от чашки, и в ее глазах на мгновение что-то блеснуло.

– Допустим.

– Что ж. Олег Чурсинов. – Он поднял свою чашку в шутовском, неуклюжем салюте. – Будем знакомы.

– Да, знакомство вышло... запоминающимся, – произнесла она без тени улыбки и плотнее запахнула халат.

Он неверно истолковал этот жест.

– На вас оставалась одежда, – поспешно заверил он. – И я просто пытался помочь.

– Я не о том, – ее голос был обволакивающим, но с ледяной сердцевиной. – А за помощь ты получишь достойную награду.

«Награду?» Откуда эта глупая бравада? Голодный бред?

– Я согласен на один поцелуй королевы, – игриво улыбнулся он, сам удивляясь своей наглости.

Ее губы едва заметно дрогнули в подобии улыбки.

– Поцелуй подождут. Лучше расскажи, что ты делал в той квартире.

– Я пришел поговорить с твоим братом. С Незванным, – Олег легко перешел на «ты», отбросив формальности. – Впрочем, теперь это уже неважно.

– Почему же? – она вскинула бровь, изображая почти театральное удивление.

– Потому что в той квартире мне пересчитали все кости, – жестко ответил он. – И забрали не только мои вещи, но и цепочку твоего брата. С созвездием. Один из тех верзил сказал, что его убила некая Эрика.

Наталья отставила чашку. В ее глазах впервые промелькнул живой, хищный интерес.

– Ты, я погляжу, силен в астрономии.

– Мне подсказали.

– Что еще они говорили?

– Ничего. Просто били и стреляли, – отрезал Олег. – Теперь твоя очередь. Что это, черт возьми, было?

Она молча поднялась и вышла. Он остался один на один с гудящей тишиной и запахом дешевого кофе. Он не знал, чего ждать: что она вернется с пистолетом или просто исчезнет через черный ход, оставив его в этой квартире-ловушке.

Через пару минут на стол перед ним с глухим, тяжелым стуком легли четыре плотные пачки американских долларов. Зеленая стена денег, выросшая из ниоткуда. Но точно не из морозилки.

– Здесь двести тысяч. «Ровер», на котором мы приехали, – твой. Думаю, этого достаточно. Ты проводишь меня до одного места, а потом исчезнешь.

Олег ошарашенно смотрел то на деньги, то на нее. Сумма была настолько абсурдной, что казалась фальшивой.

– Исчезну? Куда?

– Куда хочешь. Другой город, другая страна. Неважно.

Что-то внутри него взбунтовалось. Презрение, гордость, злость.

– А если мне нравится моя страна? – он медленно поднялся, нависая над ней. Она была на голову ниже, но не отступила ни на шаг.

– Тогда, скорее всего, ты умрешь, – бросила она через плечо и направилась по коридору в сторону прихожей.

– Ну спасибо за прямоту! – ее хладнокровие бесило. Он шагнул следом. – Кто они были?

Она остановилась у шкафа-купе. Одним движением распахнула дверцы и, не глядя на него, сбросила с плеч махровый халат.

Олег инстинктивно отвел глаза.

– Черт возьми... – он тяжело оперся рукой о косяк, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – И это всё? Просто выбросить свою жизнь? Почему они хотели убить тебя? Почему ты

до сих пор жива? Что это за... – он сделал беспомощное волнистое движение рукой, пытаясь описать невозможное, – ...за магия, которая ставит на ноги после таких ран?! Почему ты даже не спрашиваешь, кто я такой?

Короткие, злые вопросы посыпались из него, как пулемётная очередь, но разбивались о стену ее безразличия.

Она натянула белоснежную рубашку. На бледной коже, там, где должна была быть смертельная рана, алел свежий, неестественно быстро затянувшийся шрам – единственное напоминание о случившемся.

– Ты – Олег Чурсинов. – Ты – милиционер, который работает в сельском отделении, работой особо не перегружен, как и все, жалуешься на невыносимые условия и низкую заработную плату. Но, как здравомыслящий человек, понимаешь, что работа в органах настолько специфична, что производительность не зависит от количества денег. Они нужны просто, чтобы достойно существовать, впрочем, как и большинству людей. – Она повернулась к нему лицом, держа в руках широкие брюки черного цвета. Олег стоял с раскрытым ртом. У него в голове роились точно такие же мысли, но только в голове, вслух он их никогда не озвучивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.